

V. Документы

Новый Источник по истории заговора против Гитлера – „Собственноручные показания“ Майора Германского Генштаба Иоахима Куна

Предисловие и комментарий Бориса Хавкина и Александра Калганова

Сопrotивление национал-социализму – тема современной истории, которая не потеряла свою актуальность; и в XXI веке она будет вызывать общественный интерес. С этим тезисом согласны и немецкие, и российские исследователи.

Как подчеркивал российский ученый А.И. Борозняк, «Движение Сопrotивления в Германии воспринималось в нашей стране с неизменной симпатией и открытым сочувствием»¹.

По мнению историка из ФРГ П. тейнбаха, современная тенденция в изучении антинацистского движения состоит в том, чтобы «представить и признать Сопrotивление во всем его разнообразии и глубине», что влечет за собой и «новый подробный разбор целей Сопrotивления круга 20 июля 1944 г.»².

В трактовке событий и деятелей заговора против Гитлера 20 июля 1944 г. наиболее четко выразились различные подходы к проблеме немецкого Сопrotивления. Более того, отношение к истории 20 июля 1944 г. стало одним из критериев преодоления тоталитарного прошлого как в России³, так и в Германии⁴.

В России за годы, прошедшие со времен горбачевской «гласности», существовавшие со сталинских времен стереотипные оценки заговора 20 июля 1944 г. как

---

¹ Борозняк А.И. Германское Сопrotивление в трактовках отечественной исторической науки. – Германия и Россия: события, образы, люди. Вып.1, Воронеж, 1998, с.160.

² Steinbach P. Widerstand im Widerstreit. Paderborn, 1994, S.14-15.

³ Борозняк А.И. Указ. соч., с. 160-180; Finkler K. Die Stellung der Sowjetunion und der sowjetischen Geschichtsschreibung zum 20.Juli 1944. - Der 20.Juli 1944. Bewertung und Rezeption des deutschen Widerstandes gegen das NS-Regime. Köln, 1994, S.38– 54.

⁴ Der 20.Juli. Von E. Budde und P. Lütsches. Düsseldorf, 1952; Hoffmann P. Widerstand. Staatsstreich. Attentat. Der Kampf der Opposition gegen Hitler. München 1979; „Spiegelbild einer Verschwörung“. Die Opposition gegen Hitler und der Staatsstreich vom 20. Juli 1944 in der SD-Berichterstattung. Stuttgart 1984; Ritter G. Carl Goerdeler und die Deutsche Widerstandsbewegung. Stuttgart 1984; Widerstand gegen den Nationalsozialismus. Berlin 1994; Der 20. Juli 1944. Bewertung und Rezeption des deutschen Widerstandes gegen das NS-Regime. Köln 1994; Achmann K., Bühl H. 20.Juli 1944. Lebensbilder aus dem militärischen Widerstand. Hamburg – Berlin - Bonn 1996.

„результата деятельности спецслужб США“, „милитаристского заговора не только против СССР, но и против немецкого народа“, „оппозиции сплошной реакции“ и „попытки спасти германский империализм от полного поражения“⁵ были в основном преодолены, однако не пересмотрены окончательно⁶.

Первую попытку научного, реалистичного и объективного (насколько это было возможно с рамках марксистской методологии и идеологии) подхода к истории событий 20 июля 1944 г. предпринял в годы хрущевской «оттепели» советский историк Д.Е.Мельников. Ученый исходил из тезиса о том, что движение 20 июля было «сложным политическим комплексом», что установки графа К. фон Штауффенберга и его единомышленников «отличались значительным реализмом и пониманием подлинных интересов Германии». Мельников отмечал, что заговор 20 июля 1944 г. был «не просто делом рук „кучки офицеров“, не просто „генеральским путчем“, а попыткой определенной части германской буржуазии найти выход из проигранной войны». Военные и хозяйственные круги «третьего рейха», подчеркивал историк, были охвачены двойным страхом - «перед неминуемой военной катастрофой и назревающим внутренним крахом гитлеровского режима»⁷.

Важную роль не классовых интересов, а общечеловеческих моральных факторов в немецком антигитлеровском Сопротивлении убедительно показал в 60-годы историограф Н.С.Черкасов. Он исходил из того, что «среди участников заговора против Гитлера, в буржуазных и военных кругах, было много людей, искренне возмущавшихся преступлениями фашизма и потому вступивших с ними в борьбу»⁸.

Объективный взгляд российской историографии на проблему истории немецкого антинацистского Сопротивления содержит изданный РАН фундаментальный труд „Движение Сопротивления в Западной Европе“, в котором события 20 июля 1944 г. в Германии рассматриваются как часть европейского антифашистского Сопротивления. Один из авторов этого труда, Л.Н. Бровка, указывал на то,

---

⁵ *Бродский Е.А.* Заговор 20 июля и социально-политический характер гёрделевской оппозиции. Дисс. на соискание ученой степени канд. ист. наук. М., 1949; *Майский И.М.* К возрождению германского милитаризма. – Вопросы истории, 1955, №5; *Деборин Г.А.* Вторая мировая война. Военно-политический очерк. М., 1958, с.290; *Коваль В.С.* Правда о заговоре против Гитлера 20 июля 1944 г. Киев, 1961, с.26, 65,77, 88.

⁶ К сожалению, эти тезисы времен «холодной войны» разделяют некоторые современные отечественные авторы. Так, у Г.Л. Розанова читаем: «Провал „заговора 20 июля“ означал крушение далеко идущих планов англо-американской реакции, а также определенной части германской монополистической буржуазии и генералитета. Их попытка помешать военному и политическому разгрому германского фашизма потерпела крах. - *Розанов Г.Л.* Конец „третьего рейха“. М., 1990, с. 70.

⁷ *Мельников Д.Е.* Заговор 20 июля 1944 г. в Германии. Легенда и действительность. М., 1962, с.4, 56, 200, 235.

⁸ *Черкасов Н.С.* Историография ФРГ о патриотическом направлении в заговоре 20 июля 1944 г. в Германии. – Методологические и историографические вопросы исторической науки. Вып. 5, Томск, 1967, с.137, 145.

что перед участниками немецкого Сопротивления стояла „драматическая дилемма“: с одной стороны, они выступали за поражение своей страны в войне, чтобы тем самым вызвать падение гитлеризма; с другой стороны, они стремились принудить нацистское правительство к заключению мира, чтобы предотвратить в Германии национальную катастрофу⁹.

Исследователь из ФРГ К. Финклер отмечал, что в современной России историография заговора 20 июля 1944 г. все еще имеет много „белых пятен“, вызванных недоступностью источников, хранящихся в российских архивах¹⁰.

По нашему мнению, сложившаяся в России архивную ситуацию по этой проблеме нельзя оценивать как однозначно негативную. В последние годы появилась возможность расширить базу источников по истории немецкого антигитлеровского Сопротивления за счет новых документов из российских архивов¹¹.

Согласно закону РСФСР от 18 октября 1991 г. о реабилитации жертв политических репрессий и закону РФ от 22 декабря 1992 г. о дополнениях и изменениях к закону от 18 октября 1991 г., среди подлежавших реабилитации жертв политических преследований были и бывшие военнопленные – граждане России и иностранцы. В процессе их реабилитации в архивах были выявлены новые документы, представляющие научный интерес.

Среди реабилитированных в последние годы в России иностранных граждан был и германский подданный, офицер вермахта, майор генерального штаба сухопутных сил (ОКХ), бывший военнопленный Иоахим Кун.

Кун с сентября 1943 г. принадлежал к антигитлеровской оппозиции. Его имя приобрело известность в Германии после покушения на Гитлера 20 июля 1944 г. Вместе с генерал-майором Г. Штиффом и старшим лейтенантом А. фон Хагеном, а также с другими офицерами, Кун приобретал и прятал взрывчатку для покушений на Гитлера 1943 и 1944 гг. Кун состоял в тесной связи с фактическим руководителем заговора полковником генштаба графом Штауффенбергом и его активным участником генерал-майором Х. фон Тресковым¹².

---

⁹ Движение Сопротивления в Западной Европе 1939-1945. Общие проблемы. М., 1990, с.72.

¹⁰ *Finkler K. Op.cit.*, S.38.

¹¹ *Chawkin B., Coppi H., Zorja J. Russische Quellen zur Roten Kapelle. – Die Rote Kapelle im Widerstand gegen den Nationalsozialismus.* Berlin, 1994.

¹² *Lexikon des Widerstandes 1933-1945.* München, 1994, S.116-117.

Документы Куна - уникальный источник и по немецкой, и по российской новейшей истории: Кун был осужден как в «третьем рейхе», так и в СССР - Гитлером как «заговорщик и перебежчик», Сталиным как «военный преступник»¹³.

По ходатайству Г. Вагенленера, председателя Объединения бывших репатриантов, военнопленных и членов семей лиц, пропавших без вести (ФРГ), Главная военная прокуратура РФ 23 декабря 1998 г. реабилитировала бывшего германского офицера Куна Иоахима, осужденного в 1951 г. Военным судом Московского военного округа, „за отсутствием в его действиях состава преступления“¹⁴.

Причем за год до юридической реабилитации Куна, 30 ноября 1997 г., когда «Дело» Куна еще не было рассекречено, первый Президент России Б.Н.Ельцин в своей подмосковной резиденции Завидово передал тогдашнему канцлеру ФРГ Г.Коллю копии нескольких документов из этого досье¹⁵.

Таким образом, на Запад попали до сих пор не известные в России фрагменты уникального исторического источника – датированные 1944 г. документы майора Куна - активного участника заговора германских офицеров против Гитлера¹⁶.

Однако хранящийся в Центральном архиве Федеральной службы безопасности России (ЦА ФСБ) комплекс материалов, составляющих «Дело по обвинению Куна Иоахима», остается до сегодняшнего дня не изученным полностью. Наша публикация – одна из первых попыток ввести его материалы в научный оборот¹⁷.

---

¹³ Б. Л. Хавкин, один из авторов этой публикации, еще в середине 90-х годов впервые писал о необычной судьбе Куна. В историографии считалось, что следы Куна затерялись в сталинских застенках. Однако публикаторам удалось обнаружить их и на основе российских архивных источников проследить жизненный путь Куна в советском плену. См.: *Chavkin B. Die deutschen Kriegsgefangenen in der Sowjetunion 1941-1955. - Forum für osteuropäische Ideen- und Zeitgeschichte, 1, 1997, № 2, S. 185, Anm.64.*

¹⁴ Определение № Н-240 Военного суда Московского военного округа от 23 декабря 1998 г.

¹⁵ *Hoffmann P. Tresckow und Stauffenberg. Ein Zeugnis aus dem Archiv des russischen Geheimdienstes. – Frankfurter Allgemeine Zeitung (FAZ), 20.VII. 1998; Von zur Mühlen B. Das Schicksal von Major i.G. Joachim Kuhn in sowjetischer Kriegsgefangenschaft 1944-1956. - Die Angeklagten des 20. Juli von dem Volksgerichtshof, Berlin, 2001, S.57.*

¹⁶ В статье берлинского кинодокументалиста Б. фон цур Мюлена со ссылкой на газетную публикацию канадского историка П.Хофмана (*Hoffmann P. Op. cit., - FAZ, 20.VII. 1998*) в качестве документальной базы называется не перво-, а второисточник - надзорное производство Прокуратуры РФ от 1998 г. (№ 03-1877898). Первоисточником же является «Дело по обвинению Куна Иоахима» из фондов Центрального архива Федеральной службы безопасности России (ЦА ФСБ), которое не было доступно канадскому и немецкому исследователям. Работы как П.Хофмана, так и Б. фон цур Мюлена, написанные на ограниченной документальной базе, дают лишь первое, неполное и не во всем точное представление о «Деле Куна». Как подчеркивает Б. фон цур Мюлен, „К сожалению, бóльшая часть протоколов допросов до сих пор не доступна“. - *Von zur Mühlen B. Op.cit., S.60.*

¹⁷ ЦА ФСБ, «Дело по обвинению Куна Иоахима», Р-46988. Материалы следственного и тюремного дел Р-46988 составляют источниковую основу нашей публикации.

«Дело по обвинению Куна Иоахима», имевшее первоначальный следственный № 5141, было начато 29 августа 1951 г. и окончено 6 октября 1951 г. Документы «Дела» подобраны в соответствии с требованиями делопроизводства НКВД-НКГБ-МГБ СССР. По содержанию «Дело» Куна стоит в одном ряду с другими следственными делами пленных германских офицеров, привлеченных в 1945-1952 гг. в СССР к уголовной ответственности за совершение военных преступлений.

Однако для следственной практики НКВД-НКГБ-МГБ было необычно то, что к материалам «Дела» Куна были приобщены его «Собственноручные показания», данные до ареста, несмотря на то, что эти показания не легли в основу обвинения и не использованы в нем. По практике делопроизводства НКВД-НКГБ-МГБ, эти документы могли быть уничтожены как «не представляющие оперативного интереса» или приобщены к материалам переписки ГУК «СМЕРШ». Сохранение в уголовном деле Куна его «Собственноручных показаний», данных им в качестве военнопленного, а не подследственного – редчайший случай, объяснимый лишь тем, что первый экземпляр этих показаний попал в 1944 г. „на самый верх”.

Как же сложилась жизнь Куна?

Иоахим Кун родился 2 августа 1913 г. в Берлине в семье адвоката Артура Куна и его жены Хильдегард-Марии Кун, урожденной Кустер¹⁸. В 17 лет молодой Иоахим окончил гимназию и поступил в технический институт, который не окончил. В 19 лет, в 1932 г. он поступил на службу в стотысячный рейхсвер – профессиональную армию Веймарской республики. В 1933 – 1934 гг. Кун обучался в военных училищах в Дрездене и Мюнхене и в конце 1934 г. получил специальность военного инженера и свои первые офицерские погоны. В должности батальонного, а затем полкового адъютанта лейтенант Кун принимал участие в кампании Германии против Польши в 1939 г., командовал ротой в войне против Франции в 1940 г. За наведение понтонной переправы под огнем противника и личную храбрость был награжден двумя железными крестами.

Летом 1941 г., когда Германия напала на СССР, капитан Кун служил в должности 1-го адъютанта (начальника штаба) 111-й пехотной дивизии вермахта, входившей в состав группы армий «Юг». До ноября 1941 г. он был на восточном фронте. Затем как образцовый штабист был направлен на учебу в Берлин в академию генерального штаба, где обучался до мая 1942 г. Академию Кун окончил как лучший офицер своего выпуска. Так он вошел в германскую военную элиту – корпус офицеров генерального штаба. Для дальнейшего прохождения службы Кун, в январе 1943 г. получивший чин майора, был направлен в генштаб сухопутных сил – в организационный отдел верховного командования ОКХ. Его непосредственным начальником был граф Штауффенберг.

22 июня 1944 г. майор генштаба Кун был назначен на должность 1-го адъютанта (начальника штаба) 28-й Егерской дивизии, которой командовал генерал-лей-

---

¹⁸ ЦА ФСБ, «Дело по обвинению Куна Иоахима», Р-46988, л.182.

тенант Г. фон Цильберг. 20 июля 1944 г., в день покушения на Гитлера, Кун находился на фронте, в Польше, в штабе 28-й Егерской дивизии.

27 июля 1944 г., через неделю после провала офицерского заговора, Кун был взят в плен под Белостоком наступающими войсками советского 2-го Белорусского фронта.

В «Собственноручных показаниях» Кун описывает свое пленение не как заранее подготовленный переход на сторону противника, а как вынужденное бегство с целью спасения своей жизни: он был на волосок от ареста и неминуемой казни как заговорщик. Однако в Германии, как во время так и после войны, он считался перебежчиком¹⁹.

4 августа 1944 г. в лагере для военнопленных Волковыск Кун заявил советскому офицеру о том, что он майор генштаба и готов сообщить очень важные для командования Красной Армии сведения. Обладавший особо ценной информацией военнопленный был доставлен в Москву.

Пленение Куна было сразу же замечено вождями «третьего рейха». 10 августа 1944 г. начальник Главного управления имперской безопасности Э. Кальтенбруннер писал рейхсляйтеру М. Борману: «Не будет неожиданностью, если из-за участия в поставке заговорщикам взрывчатого вещества перебежавший к большевикам майор Кун всплывет в Национальном Комитете („Свободная Германия“, далее: НКСГ. - Б. Х., А. К.)»²⁰.

В этой связи представляют интерес воспоминания бывшего вице-президента НКСГ графа Г. фон Айнзиделя, записанные в 2002 г. По словам Айнзиделя, он впервые услышал о Куне 22 августа 1944 г. из рапорта фронтового уполномоченного НКСГ по 2-му Белорусскому фронту лейтенанта Вильмса, сообщавшего, что Красной Армией взят в плен один из участников заговора 20 июля 1944 г. майор генштаба Кун, который хочет включиться в движение „Свободная Германия“ и войти в Союз немецких офицеров (СНО). Но ни в НКСГ, ни в СНО Кун не появился. На все вопросы председателя СНО генерала артиллерии В. фон Зайдлица о Куне работавшие с НКСГ и СНО советские офицеры вразумительного ответа не давали.

31 декабря 1944 г. Айнзидель в качестве фронтового уполномоченного НКСГ прибыл на 2-й Белорусский фронт в районе Нарева. Там он познакомился с майором 7-го отдела Главного политуправления Красной Армии Л.З.Копелевым, который спросил Айнзиделя о Куне и был очень удивлен, узнав, что в НКСГ и СНО Куна в глаза не видели. Копелев рассказал, что однажды в июле 1944 г. в только что освобожденной польской деревне к нему и еще двум советским офицерам

---

¹⁹ „Spiegelbild einer Verschwörung“. Die Opposition gegen Hitler und der Staatsstreich vom 20. Juli 1944 in der SD-Berichterstattung, S.129, 190; *Herwarth von H. Zwischen Hitler und Stalin. Erlebte Zeitgeschichte 1931 bis 1945.* Frankfurt a.M. – Berlin - Wien, 1982, S. 304; *Widerstand gegen den Nationalsozialismus*, S.534; *Lexikon des Widerstandes 1933-1945*, S. 117.

²⁰ „Spiegelbild einer Verschwörung“. Die Opposition gegen Hitler und der Staatsstreich vom 20. Juli 1944 in der SD-Berichterstattung, S.190, 193-194.

подошла крестьянка и сказала, что скрывающийся у нее немецкий офицер хочет сдать в плен. Этим немецким офицером и был майор Кун. Копелев допросил Куна, который заявил о своем желании примкнуть к движению генерала Зайдлица. Копелев выдал Куну документ как пленному, имеющему особое значение, и выделил офицера для сопровождения в вышестоящие инстанции. Однако сначала Кун попал в обычный пересыльный лагерь для военнопленных, и уже откуда его направили особым транспортом в Москву. Спустя много лет после войны, когда Айнзидель был в гостях у Копелева в Москве, у них речь вновь зашла о Куне. Причем Копелев так и не смог объяснить, почему Куну не дали установить контакт с Зайдлицем, СНО и НКСГ²¹.

Таким образом, по воспоминаниям Айнзиделя, немецкий лейтенант Вильмс и советский майор Копелев независимо друг от друга сообщали о желании Куна войти в СНО, глава которого генерал Зайдлиц был информирован об этом и хотел встретиться с Куном. То есть и Кун и представители НКСГ и СНО стремились к прямому контакту, который, однако, так и не состоялся²².

Почему же советские инстанции не дали Куну возможности связаться с НКСГ и СНО? Вероятно, это обстоятельство объяснялось тем, что работавшие с военнопленными советские структуры конкурировали между собой. Кун в итоге попал не в руки «курировавших» НКСГ и СНО организаций - Главного политуправления Красной Армии и Главного управления по делам военнопленных, а в объятия Главного управления военной контрразведки (ГУК) «Смерть шпионам» («СМЕРШ»): перебежчик, к тому же офицер генштаба, рассматривался как возможный шпион.

2 сентября 1944 г. в ГУК «СМЕРШ» в Москве на Лубянке Кун напечатал на немецкой пишущей машинке „Собственноручные показания“, на каждой странице которых подписался по-немецки. На русский язык „Собственноручные показания“ Куна перевел оперативный уполномоченный 2-го отдела ГУК «СМЕРШ» Д. Г. Копелянский²³. На последней странице русского перевода есть его рукопис-

---

²¹ Как пишет Г. Айнзидель, по словам Куна, сказанным в личной беседе с Айнзиделем в Германии после войны, Штауффенберг в апреле 1944 г. сказал Куну, что возможно путь Зайдлица был не так уж и неверен. - Из письма графа Г.фон Айнзиделя Б.Л.Хавкину от 9 января 2002 г. - Личный архив Б.Л.Хавкина.

²² В свете воспоминаний Айнзиделя нуждается в уточнении тезис историка из ФРГ Г. Юбершера о том, что прямых контактов между НКСГ с одной стороны и связанными со Штауффенбергом группами Сопротивления с другой стороны не существовало. - Das Nationalkomitee „Freies Deutschland“ und der Bund Deutscher Offiziere. Frankfurt a.M., 1995, S.42.

²³ Майор МГБ в отставке Даниил Григорьевич Копелянский, 1918 г. рождения, был уволен из органов госбезопасности в 1951 г. В настоящее время он на пенсии, живет в Москве. Русский перевод «Собственноручных показаний» Куна, выполненный в 1944 г. Д.Г. Копелянским, воспроизводится публикаторами по тексту из ЦА ФСБ с сохранением всех особенностей орфографии и стилистики документа. Комментарии и примечания к тексту составлены авторами предисловия.

ная помета: „Справка. Первый экземпляр направлен для информации ГКО²⁴. Оперуполн. 2-го отдела Гл. Упр. «Смерш» капитан Копелянский²⁵”.

23 сентября 1944 г. начальник ГУК «СМЕРШ» генерал-полковник В.С.Абакумов направил члену ГКО Г.М. Маленкову письмо следующего содержания: «В Берлине на процессе по делу о покушении на Гитлера, как известно из прессы, одним из активных участников заговора фигурировал майор немецкой армии Кун Иоахим, который германским судом был заочно осужден к смертной казни. Немцы также сообщили, что Кун бежал на сторону Красной Армии и в связи с этим объявлен изменником родине... Будучи доставлен в Москву в Главное Управление «СМЕРШ» и тщательно допрошен, Кун в собственноручных показаниях изложил известное ему о заговоре против Гитлера и своем участии в нем. Особый интерес представляют показания Куна в части известных ему участников заговора, либо сочувствовавших заговору, которые не были репрессированы Гитлером и до последнего времени продолжали находиться на руководящих военных постах... Большую осведомленность в делах заговора и близкие связи с высокопоставленными лицами германского военного командования Кун объясняет своим служебным положением в генеральном штабе, прошлым своих родителей (дед был генералом от кавалерии) и тем, что начальники рассматривали его как способного и растущего офицера. Имея в виду, что Кун объявлен в Германии изменником и активным участником заговора, и к тому же в показаниях несколько выпячивает свою роль в заговоре, - не исключена возможность, что он, под предлогом всего этого заброшен немцами на нашу сторону с какими-либо специальными целями... Об изложенном доложено товарищу Сталину. При этом представляю перевод собственноручных показаний Куна»²⁶.

В конце сентября 1944 г. «Собственноручные показания» Куна лежали на рабочем столе председателя ГКО и Верховного Главнокомандующего Красной Армией И. В. Сталина. Таким образом, Сталин был весьма подробно информирован о подготовке германскими офицерами покушения на Гитлера.

В плену Кун, разумеется, не располагал точной информацией из Германии, касавшейся судьбы родственников и своей участи как участника заговора против Гитлера. Этим обстоятельством можно объяснить непреднамеренные ошибки, содержащиеся в тексте его „Собственноручных показаний“.

Например, он пишет: ”4.VIII-1944 года я обратился к находившемуся в лагере гор. Волковыск советскому штабному офицеру и сказал, что имею сообщить важные сведения. Много позднее я узнал, что как раз в этот день в Берлине меня приговорили к смертной казни”. Но этот факт не соответствовал действительности.

---

²⁴ Государственный Комитет Обороны (ГКО) – высший внеконституционный орган государственной власти и управления в СССР в годы Великой Отечественной войны.

²⁵ ЦА ФСБ, «Дело по обвинению Куна Иоахима», Р-46988, л. 55.

²⁶ Там же, по материалам ГУК «СМЕРШ».

В то же время, сообщенная Куну советской стороной версия о том, что он 4 августа 1944 г. был приговорен в Германии к смертной казни, не являлась сознательной дезинформацией с целью получения от Куна требуемых на Лубянке показаний. О том, что Кун «германским судом был заочно осужден к смертной казни» говорилось и в письме главы «СМЕРШ» Абакумова члену ГКО Маленкову от 23 сентября 1944²⁷. Конечно же, Абакумов не собирался вводить Маленкова в заблуждение. Информация о том, что 4 августа 1944 г. Куна приговорили в «третьем рейхе» к смерти, была основана на справке, составленной «СМЕРШ» по материалам Телеграфного агентства Советского Союза (ТАСС) от 9 августа 1944 г., а ТАСС, в свою очередь, ссылалось на агентство «Трансоцеан»²⁸.

В действительности же 4 августа 1944 г. Кун приговорен к смерти не был: в этот день майор генштаба ОКХ Иоахим Кун по предложению суда чести сухопутных сил и приговору имперского народного трибунала «третьего рейха» был исключен из рядов вермахта «как перебежчик и в связи с событиями 20.7.1944 г.».

Но в дальнейшем нацисты все же вынесли Куну смертный приговор. 6 февраля 1945 г. 3-й Сенат имперского военного трибунала под председательством судьи Шмаусера заочно приговорил Иоахима Куна к смерти «за измену родине, боевому знамени, воинскому долгу и переход на сторону врага». 20 февраля 1945 г. Гитлер лично утвердил смертный приговор Куну и потребовал «немедленно привести его в исполнение, как только преступник попадет в немецкие руки»²⁹.

Возможно, что в сентябре 1944 г. работавший с Куном капитан «СМЕРШ» Копелянский, также, как и его начальники, не располагал всей поступавшей из Германии информацией о Куне. Ни Копелянский, ни сам Кун тогда еще не знали, что 27 июля 1944 г., в тот же день, когда майор Кун попал в советский плен, его отец Артур и мать Хильдегард-Мария были взяты в Берлине под превентивный арест как родители перебежчика.

С 12 августа 1944 г. до 1 марта 1947 г. военнопленный Кун содержался во внутренней тюрьме НКГБ на Лубянке и в Бутырском тюремном замке в Москве. „Из соображений оперативной необходимости“ ему было дано другое имя. В тюремном деле Кун значился как Иоахим Маловиц. Обращение с заключенным Маловицем и условия его содержания были относительно хорошими. В госпитале Бутырской тюрьмы ему оказывалась необходимая медицинская помощь. Все это время контрразведка „СМЕРШ“ вела с особо ценным пленным немецким офице-

---

²⁷ Там же, по материалам ГУК «СМЕРШ».

²⁸ В «Справке по материалам ТАСС» со ссылкой на агентство «Трансоцеан» от 9 августа 1944 г. майор Кун был упомянут среди «лиц, фигурирующих по материалам процесса». – Там же.

²⁹ *Haase N.* Aus der Praxis des Reichskriegsgerichtes. Neue Dokumente zur Militärgerichtsbarkeit im Zweiten Weltkrieg. - *Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte*, № 39, 1991, S.393, Anm.45; *ibidem.* Das Reichskriegsgericht und der Widerstand gegen die nationalsozialistische Herrschaft. Berlin, 1993, S.240; *Widerstand gegen den Nationalsozialismus*, S.534.

ром активную „оперативную работу“. С целью „оперативной работы“ военнопленный Кун согласно указаниям Абакумова от 15 февраля 1945 г. и от 28 февраля 1947 г. дважды вывозился на „особые объекты“.

Сотрудничество Куна с советской военной контрразведкой дало сенсационный результат. 17 февраля 1945 г. офицеры „СМЕРШ“ с помощью вывезенного на „особый объект“ Куна откопали в лесу Мауэрвальд под Растенбургом (Восточная Пруссия) недалеко от бывшей штаб-квартиры ОКХ, тайник, который нацистские спецслужбы, несмотря на долгие поиски, так и не смогли найти. В тайнике были спрятаны секретные документы, составленные офицерами из группы Штауффенберга, намеревавшимися осенью 1943 г. убить Гитлера во время посещения им ставки в Растенбурге. Готовить взрывчатку для уничтожения Гитлера и рассчитывать силу и направление взрыва должен был военный инженер Кун – единственный из заговорщиков, умевший профессионально обращаться со взрывчатыми веществами. После того, как это покушение на Гитлера сорвалось, Кун, по личному указанию Штауффенберга закопал в землю в Мауэрвальде две банки – железную и стеклянную. В банках была спрятана вся секретная документация заговорщиков.

В 1945 г. Кун узнал то место, где он в 1943 г. закопал тайник. Офицеры „СМЕРШ“ извлекли из земли составленный в 1943 г. календарь мероприятий по реализации плана смены главы германского государства и верховного главнокомандующего, приказ о смерти Гитлера, постановление о введении в рейхе чрезвычайного положения в связи со смертью Гитлера, приказы войскам, обращения к армии и народу, оперативные распоряжения участникам военного переворота³⁰.

Таким образом, правдивость „Собственноручных показаний“ Куна была подтверждена.

Интересно отметить, что Абакумов еще в феврале 1945 г. предлагал опубликовать найденные с помощью Куна документы заговора 1943 г. против Гитлера, однако они оставались секретными фактически до конца 90-х годов.

В 1947 г. по указанию Абакумова, который в это время возглавлял МГБ, Кун был помещен на „особый объект“ – подмосковную дачу, где находился с 1 марта 1947 г. до 22 апреля 1948 г. На даче он не столько отдыхал, сколько готовился к репатриации в Восточную Германию в качестве будущего сотрудника новой администрации. На „особом объекте“ Кун находился под наблюдением. По информации следившего за ним немца-доносчика, Кун „критиковал советскую власть“: В частной беседе Кун якобы сказал, что сыт по горло сотрудничеством с советскими властями и хочет по возвращении в Германию податься к американцам³¹. Разумеется, что после этого доноса о репатриации в Германию Куну пришлось забыть...

---

³⁰ ЦА ФСБ, по материалам ГУК «СМЕРШ».

³¹ Там же, «Дело по обвинению Куна Иоахима», Р-46988, л.244-246.

Весной 1948 г. Куна вновь бросили в тюрьму. Он сидел в московских тюрьмах: Лефортово с 22 апреля 1948 г., и в Бутырках с 5 апреля 1950 г.³² Парадокс состоял в том, что юридически он в это время арестованным не считался. Ордер на его арест был выписан лишь 30 августа 1951 г. Капитану И.С. Мамаеву предписывалось обыскать Куна и арестовать его «по месту нахождения»³³. Местом нахождения Куна в это время была Бутырская тюрьма.

Юридическое оформление ареста Куна последовало сразу же за июльскими событиями 1951 г. - исключением из ВКП(б), снятием с должности, а затем арестом министра госбезопасности СССР Абакумова, которого, среди прочего, обвинили в затягивании расследования особо важных преступлений. В августе 1951 г. новым министром госбезопасности был назначен партийный работник С.Д.Игнатьев, который стал „наводить порядок” и готовить к передаче в судебные инстанции следственные дела на всех находившихся в распоряжении МГБ немецких военнопленных, которых, как правило, приговаривали к 25 годам лишения свободы³⁴.

Иоахим Кун был обвинен на основании „пункта 1-а статьи II Закона № 10 Контрольного Совета в Германии“ и признан виновным „в подготовке и ведении агрессивной войны против СССР“. 17 октября 1951 г. Особое Совецание при МГБ СССР приговорило Куна к 25 годам тюремного заключения, срок которого исчислялся со дня его сдачи в плен - 27 июля 1944 г.³⁵

Участие Куна в заговоре против Гитлера сталинские следователи и судьи рассматривали в качестве доказательства его вины. Как гласило обвинительное заключение, „Установлено, что участники заговора имели следующую цель: уничтожение Гитлера; заключение сепаратного мира с Англией, Францией и США; продолжение войны против Советского Союза совместно с этими государствами“³⁶.

Как доказательство обвинения, в «Деле» Куна фигурируют показания заключенного на Лубянке сотрудника СД гауптштурмфюрера СС Р.Гамоты от 28 февраля 1949 г. о немецкой антигитлеровской организации „Обновление“, в действительности никогда не существовавшей. Эсэсовец преднамеренно подвел Куна под обвинение, тем самым отомстив ему как настоящему участнику военной оппозиции Гитлеру.

---

³² Там же, дело арестованного «КУН (Маловиц) Иоахим» Р-46988.

³³ МГБ СССР, ордер № Ф-25. - ЦА ФСБ, «Дело по обвинению Куна Иоахима», Р-46988, л.4.

³⁴ См. об этом: *Конасов В.Б.* Судебное преследование немецких военнопленных в СССР. М., 1998, с.67-68.

³⁵ ЦА ФСБ, «Дело по обвинению Куна Иоахима», Р-46988, л.229. Как отмечал историк из ФРГ М. Борхард, к 25 годам принудительных работ были приговорены более 85 процентов осужденных после войны в СССР немецких военнопленных. – *Borchard M.* Zwischen den Fronten des Kalten Krieges. Die deutschen Kriegsgefangenen in der Sowjetunion 1949-1955. - „Kriegsgefangene - Военнопленные“, Düsseldorf, 1995, S.88.

³⁶ ЦА ФСБ, «Дело по обвинению Куна Иоахима», Р-46988, л.225.

Документальная база основанного на показаниях Гамоты обвинения Куна была весьма шаткой. К тому же сам „свидетель“ Гамота был осужден как военный преступник. Подвести под обвинение „политический фундамент“ должна была приобщенная к «Делу» Куна «в качестве документального доказательства» статья советского журналиста А. Леонидова (псевдоним Эрнста Хентова, известного под именем Эрнст Генри) „Международная роль англо-американо-немецкого банка Шредера“, опубликованная 28 февраля 1947 г. в московском журнале «Новое время»³⁷. Леонидов, ни разу не упоминая имени Куна, наклеивает всем немецким противникам Гитлера политические ярлыки в соответствии со стереотипами «холодной войны».

Основные тезисы статьи в «Новом времени» таковы: «Деятельность американской военно-политической разведки была направлена не столько против фашистов, сколько против подлинно антифашистского движения, поскольку участники этого движения не хотели, чтобы дело освобождения родины свелось к замене одной империалистической клики другой». Филиал банка Шредера в Швейцарии был филиалом американской разведки и имел контакты с антигитлеровской оппозицией в Германии. «Кто была эта „оппозиция“? «Реакционные офицеры, представители прусской аристократии и высших германских финансовых кругов. Это были те круги, которые, убедившись, что Гитлер проиграл войну против Советского Союза, делали ставку на дворцовый переворот. Весь план, как известно, заключался в том, чтобы в удобный момент заменить Гитлера, быстро заключить сепаратный мир с западными союзниками и тем спасти, пока еще не поздно, германский империализм»³⁸.

6 октября 1951, т.е. за 11 дней до вынесения приговора по «Делу» Куна, его следователь майор госбезопасности Кичигин принял решение „Кун Иоахима, как военного преступника, после осуждения направить для отбытия наказания в особую тюрьму“³⁹.

Особой тюрьмой, в который сидел Кун с 1951 по 1956 гг., был известный во всей России Александровский централ – каторжная тюрьма в Сибирском городе Иркутске. По иронии судьбы, немецкий офицер, участвовавший в заговоре против Гитлера, сидел в той же тюрьме, что и русские офицеры-декабристы, участники заговора против царя в 1825 г.

В Александровском центреале Кун страдал от недоедания – у него началась дистрофия. Офицеры МГБ предполагали также, что он заболел психически. Это предположение основывалось на некоторых необычных письмах, написанных Куном в Александровском центреале:

---

³⁷ Леонидов А. Международная роль англо-американо-немецкого банка Шредера“ - Новое время, 1947, №9.

³⁸ «Дело по обвинению Куна Иоахима», Р-46988, л.208-209.

³⁹ Там же, л.228.

„Перевод с немецкого. Граф фон дер Пфальц-Цвейбрюккен, генерал-майор. Иркутск, 15 февраля 1952 года (копия от 27 мая 1952 г.). Господину Министру госбезопасности, гор. Москва.

Я чувствую себя обязанным оставаться дружественным и искренним по отношению к Советскому Союзу и его Министерству. Поэтому я обратился с предложением и получил разрешение сообщить о нижеследующем.

Я был вынужден носить фамилию Кун и жить под этой фамилией на основании требования немецкого правительства. Но я по происхождению граф фон дер Пфальц-Цвейбрюккен. Это изменение произошло в силу указа имперского президента от 13.6.1926 года.

К сведениям о моей личности я могу лишь добавить, что из полковников генштаба я был произведен в генерал-майоры армии Западной Германии⁴⁰.

Далее Кун, присвоивший себе имя графа Пфальц-Цвейбрюккена, сообщал министру госбезопасности СССР, что «целью и результатом его 34-х летнего труда... является сверхкоротковолновый аппарат», запатентованный в США. Кун пытался объяснить технические подробности изобретения, но сделал это так, что переводчица МГБ Потапова в отчаянии вынуждена была написать: «переведено буквально, смысл непонятен»⁴¹.

Однако, по нашему мнению, смысл письма ясен. После нечитаемого и непереводаемого текста, очевидно содержащего технические данные прибора, Кун пишет: «Остальные сведения я могу сообщить лишь с разрешения западногерманского правительства и США в Москве и сделаю это лишь в том случае, если буду помещен в гостиницу и обеспечен достаточным нормальным питанием (поскольку за это время у меня наступила дистрофия), а также если будет подтверждено данное мне обещание в отношении предстоящего освобождения и отправки в ближайшее время на родину, на основании чего я и действовал»⁴².

Эту цель после проверок и экспертиз определили следователи. «Заявление Куна от 27 мая 1952 г. является от начала и до конца плодом его фантазии, обусловленной или стремлением улучшить свое положение путем умышленной дезинформации наших органов или же невменяемым состоянием заключенного... Судя, однако, по содержанию заявления Куна и отдельным моментам из его показаний, а также конструкции употребляемых им предложений, мы имеем дело скорее с психически неполноценным человеком», - писал в декабре 1952 г. начальник следственного отдела 2-го главного управления МГБ полковник Рублев⁴³.

Все усилия узника Александровского централа обратить на себя внимание советских властей оставались безуспешным. Но Кун, который то ли симулировал душевное расстройство, то ли на самом деле постепенно сходил на каторге с ума, продолжал борьбу за восстановление справедливости.

---

⁴⁰ Там же, л.231.

⁴¹ Там же.

⁴² Там же.

⁴³ Там же, л.246.

10 ноября 1953 г. Кун написал заявление главе правительства СССР. В «Деле» Куна сохранился сделанный карандашом на папиросной бумаге русский перевод этого заявления. Русский текст имеет немецкую подпись „граф фон дер Пфальц-Цвайбрюкен“:

«Председателю Совета Министров СССР г. Маленкову.

Заявление з/к графа фон дер Пфальц-Цвайбрюкена (Куна)

Господин Председатель,

Как известно 2-му Управлению МГБ, я находился в заключении в Москве с 1944 1951 г. Это имело место несмотря на то, что, я военнопленный офицер, которому, как мне неоднократно заявляли в присутствии свидетелей, нельзя было предъявить никаких обвинений. После ряда допросов в сентябре - октябре 51 г. следователь 2-го управления заявил мне: „следствием установлено, что нет больше никаких оснований Вас больше содержать под стражей“. Затем он поздравил меня через переводчицу: „Итак можно Вас поздравить“. К чему было добавлено, что я должен вернуться в Германию. Вместо этого меня отправили в Александровскую тюрьму, где я до сих пор еще нахожусь. Уже продолжительное время тому назад были освобождены немецкие военнопленные. Кроме того, в августе с.г. было достигнуто соглашение об освобождении также и тех военнопленных немцев, которые были осуждены судом. Т.е. не имеется никаких оснований для дальнейшего содержания меня под стражей. И поэтому прошу Вас вернуть меня в Германию свободным человеком.

Александровск, 10 ноября 1953 г.»⁴⁴.

Между этим письмом главе советского правительства и освобождением Куна из плена прошли еще долгие два года и два месяца.

Хотя состояние здоровья узника Александровского централа вызывало опасения, его продолжали использовать на общих каторжных работах. Но в 1954 г. появились и послабления режима: с июня 1954 г. Кун получил возможность писать и получать письма и принимать посылки. В тюремном деле есть отметки о получении им 43 посылок от матери.

На основе указа Президиума Верховного Совета СССР от 28 сентября 1955 г. заключенный Иоахим Кун подлежал досрочному освобождению. Но в сентябре 1955 г. его не освободили, а перевели в тюрьму г. Первоуральска, где он провел последние, самые тягостные месяцы заключения, продолжавшегося до 7 января 1956 г.

16 января 1956 г. он был передан в распоряжение правительства ФРГ⁴⁵ и через лагерь для перемещенных лиц Фридланд вернулся на родину⁴⁶.

---

⁴⁴ Там же, л.251.

11 лет заключения превратили его в тяжело больного и морально надломленного человека. С прежними друзьями он никогда более не встречался.

Как писал друживший с Куном в 1943-1944 гг. участник немецкого Сопротивления Х. фон Херварт, «Возможно он (Кун. – *Б.Х и А.К.*) стыдился своих тогдашних действий, которые критиковали не только нацисты, но и некоторые из его друзей. Эти действия сделали его ответственным за смерть командира дивизии (командира 28-й Егерской дивизии генерал-лейтенанта Цильберга. - *Б.Х и А.К.*). Я убежден в том, что Кун, вынужденный очень быстро принять решение, не уяснил себе всех его последствий»⁴⁷.

По воспоминаниям графа Г. фон Айнзиделя, навестившего Куна в конце 1970-х годов, Кун жил замкнуто и одиноко в дешевом пансионе в Бад-Боклете, неподалеку от города Киссингена на реке Саале⁴⁸. Возможно, там он и умер, всеми забытый. Характерно, что о дате и месте его смерти ни поисковая служба Немецкого Красного Креста, ни Немецкая служба поиска бывших военнослужащих вермахта, ни Мемориал немецкого Сопротивления в Берлине сведений не имеют.

Так заканчивается история Иоахима Куна – участника заговора против Гитлера и узника сталинских лагерей, роль которого в немецком Сопротивлении была неизвестна в России и замалчивалась в Германии.

Как отметил Г. Айнзидель, говоря о личной трагедии Куна, «Выжившие заговорщики о нем просто умалчивали, как будто под страхом смерти. Он же больше не имел сил (возможно, он действительно страдал шизофренией⁴⁹), чтобы оправ-

---

⁴⁵ Там же, л. 253 об. Дата освобождения, а также другие биографические данные Куна до января 1956 г. подтверждаются и немецкими источниками. (См. Письмо сотрудника Немецкой службы поиска бывших военнослужащих вермахта - Deutsche Dienststelle - г-на Герике от 19. 07.2001.) Эта дата названа и в ответе сотрудника поисковой службы Немецкого Красного Креста в Мюнхене г-на Х. Реберга на запрос Б.Л.Хавкина о дальнейшей судьбе Куна по возвращении из плена. Мы благодарим гг. Герике и Реберга за ответы и надеемся, что берлинский адрес Куна (Berlin-Grünewald, Wildpfad 3), названный в письме г-на Реберга, и записанный в свидетельстве об освобождении Куна из плена поможет в дальнейших поисках его следов в Германии. – Письма гг. Герике от 19 июля 2001 г. и Реберга от 25 сентября 2001 г. - Личный архив Б.Л.Хавкина.

⁴⁶ Письмо г-на Герике от 19 июля 2001 г. – Личный архив Б.Л.Хавкина.

⁴⁷ *Herwarth von H.* Op. cit., S.304.

⁴⁸ Из письма графа Г.фон Айнзиделя Б.Л.Хавкину от 9 января 2002 г. - Личный архив Б.Л.Хавкина.

⁴⁹ «Так как я знал, что Кун выдавал себя тогда за кронпринца Вильгельма фон Гогенцоллерна и даже дал мне свою визитную карточку с этим именем, я обратился к нему „Ваше кайзеровское высочество”. Возможно поэтому он проникся доверием ко мне. Однако, наперекор моим словам, он утверждал, что не имел никакого отношения к покушению на Гитлера. Гитлер же его преследовал и хотел убить в связи с тем, что он кронпринц... На мой вопрос, что кронпринц командовал армией еще в первую мировую войну, Кун уточнил, что он сын этого кронпринца, но по династическим причинам его рождение хранилось в тайне». Из письма графа Г.фон Айнзиделя Б.Л.Хавкину от 9 января 2002 г. – Там же.

даться и рассказать свою историю, какой она была на самом деле. В ФРГ нужно было вечно стыдиться того, что ты перешел к русским. Да и после того, как с ним обращались в чека, он не поумнел... Человека, который был так сломлен жизнью, как он, не хотели представлять в качестве борца Сопротивления. Да и то, что среди заговорщиков были люди, которые рассматривали СССР как возможного партнера, было в 50-е годы, в разгар «холодной войны», запретной темой. Итак, его похоронили еще при жизни.»⁵⁰

Далее воспроизводится перевод «Собственноручных показаний» Куна на русский язык, выполненный 2 сентября 1944 г. Д.Г. Копелянским⁵¹.

Собственноручные показания
военнопленного майора вермахта Иоахима Куна⁵².

Перевод с немецкого.
От 2 сентября 1944 года⁵³.

В начале я хочу объяснить, каким образом я избежал судьбы моих товарищей и оказался в Москве.

19-го июля меня навесил начальник штаба 3-й армии генерал-майор ТРЕСКОВ⁵⁴, являвшийся также, как и я членом организации по свержению Гитлера. В то время я находился на фронте под Белостоком в качестве начальника штаба егерской дивизии. Генерал фон ТРЕСКОВ сообщил мне, что в ближайшие дни произойдет покушение на Гитлера, что мы ожидали уже в течение многих месяцев. Наша задача, по его словам, состояла в том, чтобы спокойно дожидаться результатов и затем следовать приказам генерал-полковника БЕКА⁵⁵.

Находясь на фронте, я узнал о событиях 20-го июля лишь по радио 21-го в 7 часов утра. Через несколько часов начальник штаба корпуса⁵⁶ сообщил мне, что начальник штаба армии – генерал ТРЕСКОВ должен прибыть ко мне для личного ознакомления с обстановкой на фронте, причем он просит, чтобы я сопровождал его на участке моей дивизии.

---

⁵⁰ Там же.

⁵¹ Публикаторы в сносках провели сравнительный анализ перевода Д.Г. Копелянского и немецкого текста документа, написанного Куном, а также привели немецкое написание имен.

⁵² *Eigenhändige Aussagen des Kriegsgefangenen Major der deutschen Wehrmacht Joachim Kuhn.*

⁵³ Рукописная помета.

⁵⁴ Henning von Treskow.

⁵⁵ Ludwig Beck.

⁵⁶ В немецком варианте добавлено – Major von Schönau (майор фон ШОНАУ).

Генерал фон ТРЕСКОВ также как и я, узнал лишь по радио о неудаче покушения и смерти БЕКА, ШТАУФФЕНБЕРГА⁵⁷ и ОЛЬБРИХТА⁵⁸. Когда мы с ним прибыли на передовую, он сказал мне: «Вам известно, что до ШТАУФФЕНБЕРГА я под руководством БЕКА был вдохновителем того, что вчера не удалось. Мне известны все детали организации, и я также, как БЕК и ШТАУФФЕНБЕРГ несу ответственность за случившееся. Таким образом, мой час пробил».

Я возразил ему, указав, что мне не надлежит обсуждать его решение, однако, такие люди, как он, в грядущие тяжелые времена будут особенно необходимы. Но ТРЕСКОВ все же продолжал: «Я прошу Вас позаботиться о том, чтобы никто не узнал о моей добровольной смерти. Пусть станет известно, что я убит партизанами. Это необходимо в интересах нашего дела, участников заговора и моей семьи».

Затем он подал мне руку и сказал: «Прощайте, если Вам удастся остаться в живых, то в нужный час расскажите другим, чего мы хотели добиться».

Когда я отошел примерно на 100 метров, послышался взрыв ручной гранаты, которую ТРЕСКОВ держал в руках.

Я официально сообщил о его смерти от рук партизан, и генерал фон ТРЕСКОВ был похоронен со всеми воинскими почестями. Сводка ОКВ упомянула о его героической смерти. В лице генерала фон ТРЕСКОВ я потерял товарища, являвшегося для меня образцом в жизни.

В последующие дни я ожидал дальнейшего развития мероприятий, предпринимаемых Гитлером. Так как основные участники заговора были мертвы, а мне не были известны детали событий 20-го июля и степень провала организации, то я полагал, что, возможно, смогу избежать ареста.

Утром 27-го июля после сдачи Белостока к нам прибыл начальник штаба корпуса майор генштаба фон ШЕНАУ и передал в моем присутствии командиру дивизии – генерал-лейтенанту фон ЦИЛЬБЕРГ⁵⁹ письмо командующего генерала от инфантерии ГЕРЛЕЙН⁶⁰. Генерал фон ЦИЛЬБЕРГ передал мне письмо, и я прочитал его: «По высочайшему приказу немедленно арестуйте майора генштаба Кун и направьте последнего в полицейскую тюрьму в Берлин. Апелляция бесполезна. Подпись». Начальник штаба корпуса объявил, что генерал ГЕРЛЕЙН и командующий 2-й армии, генерал-полковник ВЕЙС⁶¹ безуспешно пытались противодействовать этому приказу.⁶²

На вопрос генерала фон ЦИЛЬБЕРГ, участвовал ли я в покушении, я ответил отрицательно, указав лишь на известную всем дружбу со ШТАУФФЕНБЕРГОМ.

---

⁵⁷ Claus Schenk Graf von Stauffenberg.

⁵⁸ Friedrich Olbricht.

⁵⁹ Gustav Husermann von Ziehlberg.

⁶⁰ Herrlein.

⁶¹ Weiss.

⁶² Пропущено в русском варианте: Участие генерала ВЕЙС и генерала ГЕРЛЕЙН в моей судьбе я могу объяснить только их исключительным отношением ко мне, так как, насколько мне известно, они не были участниками заговора.

Генерал фон ЦИЛЬБЕРГ, с которым я был в очень хороших отношениях⁶³, сказал: «Необходимо выполнить распоряжение так, чтобы это было достойно звания офицера. Поезжайте с моим адъютантом майором ВИОНЧЕК в штаб корпуса. Я сам поеду с Вашим преемником в 19-й полк». Мы попрощались. Так как майор ВИОНЧЕК выехал на новый командный пункт дивизии, то я должен был отправиться в сопровождении офицеров штаба майора фон ЛЕБЕКЕ и капитана фон ШТОЛЬБЕРГ – моими близкими друзьями⁶⁴. Я поехал впереди на своей машине, а оба сопровождавших офицера на второй машине сзади.

Мне оставалось лишь несколько минут, чтобы принять решение. Ясно было, что, располагая такими подробными данными о заговоре, какими располагал я, мне нельзя было попадать в руки СД. Покончить жизнь самоубийством я имел право лишь в том случае, если бы у меня не оказалось бы никаких возможностей уйти от преследования СД. Самое правильное было бы перебежать на сторону противника, однако, это противоречило тем понятиям и традициям, в духе которых я воспитывался. Мне оставалось лишь искать смерть от вражеской пули. Такого исхода я не боялся, так как мы участники заговора привыкли к мысли о смерти в любой момент.

На пути к новому командному пункту я повернул к линии фронта на том участке, где у нас имелся проход через фронт⁶⁵ и начал продвигаться по направлению к русским позициям. Фон ЛЕБЕКЕ и ШТОЛЬБЕРГ не пытались меня задержать; не было слышно ни одного выстрела. Как выяснилось позднее, русские здесь также имели проход через фронт.⁶⁶ В деревне Старосельцы я остановился, чтобы сориентироваться в обстановке⁶⁷, но был обнаружен польскими крестьянами, которые выдали мое присутствие русскому патрулю, и я был внезапно пленен в подвале крестьянской хаты.

Судьба генерала фон ЦИЛЬБЕРГ и других офицеров, чье отношение позволило мне избежать ареста, мне неизвестна.

Должен сказать, что в беседах со ШТАУФФЕНБЕРГОМ и другими офицерами я установил положительное отношение подпольной организации к совместной работе с Советским Союзом. Однако, никто из нас не имел представление о целях и истинном положении в России⁶⁸. Поэтому в начале я решил уклониться от дачи показаний.⁶⁹

Но отношение ко мне, как к простому военнопленному и беседы, которые я имел с офицерами Красной Армии, а также моими военнопленными товарищами переубедили меня. 4.VIII-1944 года я обратился к находившемуся в лагере гор.

---

⁶³ Эта фраза отсутствует в немецком варианте.

⁶⁴ Отсутствует в немецком варианте.

⁶⁵ Отсутствует в немецком варианте.

⁶⁶ Отсутствует в немецком варианте.

⁶⁷ Точнее: ...чтобы обдумать дальнейшее...

⁶⁸ Отсутствует в немецком варианте.

⁶⁹ Точнее: По началу я решил не делать никаких заявлений о моей участии в заговоре против Гитлера.

Волковыск советскому штабному офицеру и сказал, что имею сообщить важные сведения.

Много позднее я узнал, что как раз в этот день в Берлине меня приговорили к смертной казни.

Я был направлен в Москву. Здесь во время бесед с советскими офицерами еще раз подтвердились мои первые впечатления, и я решил изложить нижеследующее:

Я, Кун Иоахим родился 2 августа 1913 года в Берлине. Мой отец до последнего времени работает в Берлине в качестве адвоката. 17 лет я закончил гимназию и, согласно традициям дома моей матери, - мой дед был генерал от кавалерии, - у меня было только одно желание стать офицером рейхсвера. В 1932 году я проходил военную службу в 14 пехотном полку, в 1933-34 гг. посещал военные школы в Дрездене и Мюнхене. Далее я последовательно занимал должности батальонного и полкового адъютанта, в качестве такового принимал участие в войне с Польшей и во время французского похода командовал ротой. После начала войны с Россией я до ноября 1941 года служил первым офицером для поручений при штабе 111 П.Д., а затем до мая 1942 года посещал военную академию, которую закончил первым. Вслед за этим я был переведен в организационный отдел генерального штаба сухопутных сил Германии. В качестве офицера генерального штаба я работал до марта 1944 года (с перерывами по болезни) во 2-ом отделении организационного отдела. В задачи отделения входили основные организационные вопросы по армии, организация высших штабов, вопросы военной администрации на оккупированных территориях и организация охранных тыловых частей.

Начальником 2-го отделения в то время был майор (*позднее полковник*)⁷⁰ генерального штаба граф ШТАУФФЕНБЕРГ. Затем он был заменен подполковником генштаба КЛАМРОТ⁷¹. За сравнительно короткий отрезок времени я познакомился и высоко оценил выдающиеся деловые и личные качества ШТАУФФЕНБЕРГА. Наша совместная работа с ним была исключительно благотворной в силу широких познаний и образования ШТАУФФЕНБЕРГА во всех областях жизни, а также потому, что у нас имелись одинаковые воззрения по ряду вопросов, в том числе и политического характера. Наша ежедневная работа уже в 1942 году настойчиво указывала на многочисленные просчеты верховного руководства как в оперативных, так и организационных вопросах (например: план летнего похода 1942 года, организация авиаполевых дивизий и т.д.)⁷².

---

⁷⁰ Отсутствует в немецком варианте.

⁷¹ Klamroth.

⁷² Точнее: План летнего похода 1942 г. предусматривал захват военно-экономических областей (нефтяные районы, Волга), но не уничтожение вражеских сил. Оперативные цели планов – Кавказ и Сталинград создавали весьма широкую фронтную линию коммуникации, которым никак не соответствовали имеющиеся оперативные резервы. К наиболее известным организационным ошибкам высшего командования можно отнести

Один ночной разговор в августе 1942 года в главной ставке в Виннице показал мне впервые убеждения ШТАУФФЕНБЕРГА и глубокое чувство ответственности, которое руководило им во время всей его работы.

ШТАУФФЕНБЕРГ говорил:

«Наступательная война может лишь тогда иметь смысл⁷³, если она прокладывает путь политике, которая является плодотворной для возможно большей части человечества.

Ежедневные доклады подчиненных штабов говорят об отношении германских гражданских властей к населению в оккупированных странах, об отсутствии каких-либо политических целей для поработанных народов, о преследовании евреев, - все это в совокупности показывает, что утверждение Гитлера о том, что война несет переустройство Европы, является лживым.

Таким образом, эта война для нас нежелательна, к тому же ее ведут так, что даже по оперативным и организационным причинам ее нельзя выиграть, не говоря уже о том, что с того момента, когда была сделана ошибка объявления войны России, эту войну нельзя было выиграть даже при самом искусном руководстве. Следовательно эта война является бессмысленным преступлением.

Однако, голая констатация этого факта недостаточна. Во-первых, необходимо установить основную причину, приведшую Германию к такому положению и, во-вторых, сделать из всего вышесказанного необходимые выводы. Мне ясно, продолжал ШТАУФФЕНБЕРГ, что первопричину всех несчастий надо искать в личности фюрера и в его национал-социалистской теории. Встает вопрос, что должен в таком положении предпринять германский генеральный штаб. Я как солдат и офицер Генштаба, создавший себе имя (ШТАУФФЕНБЕРГА считали в генштабе восходящей звездой) считаю своим правом и долгом работать в этом направлении. Генеральный штаб не общество квалифицированных ремесленников, а учреждение, которое в значительной степени руководит страной. «Руководить» – значит нести ответственность и проводить свое влияние в жизнь. На что должно распространиться это влияние? Если войну больше нельзя выиграть, то нужно сделать все, чтобы спасти германский народ. А это, в свою очередь, возможно лишь путем быстрого заключения мира, причем сейчас, когда мы еще располагаем силами. Сделали ли мы что-либо до сих пор в этом направлении кроме словесной критики? Нет! Поэтому наша мысль, пока еще не поздно, должна работать только по линии разрешения этой задачи».

Эта ночная беседа потрясла меня до глубины души, к тому же она имела место летом 1942 года, т.е. до Сталинграда и последующих катастроф. До этого момен-

---

создание авиаполевых дивизий. Они должны были быть образованы согласно предложению ГЕРИНГА вместо разбитых дивизий. Командование состояло из офицеров и унтер-офицеров ВВС, которые имели смутное понятие о пехоте, что привело к большим потерям личного состава и вооружения.

⁷³ Точнее: Если наступательной войне вообще можно придать какой-то смысл...

та я по настоящему не видел истинного положения дел, а самое главное никто до этого не ставил меня перед необходимостью совершать решительные действия.

Когда я зимой 1942-43 гг. находился в лазарете в гор. Берлине, меня посетил там ШТАУФФЕНБЕРГ. Это было 3-го февраля, за день до его отъезда в Тунис, куда он был отправлен в качестве начальника штаба 10-й танковой дивизии. Во время этого посещения он рассказал мне о положении на фронте, главным образом о событиях под Сталинградом, и в конце концов произнес слова, указавшие мне путь нашей совместной будущей деятельности:

«Выход, который мы так долго искали, - это установление временной военной диктатуры».

С этими словами ШТАУФФЕНБЕРГ меня покинул.

6.V-1943 года я навестил ШТАУФФЕНБЕРГА в лазарете гор. Мюнхен, куда он вернулся из Туниса, будучи тяжело раненым. Он потерял глаз, правую руку и два пальца на левой руке. Мужественность, с которой он переносил тяжесть понесенных им увечий, еще больше подчеркивала в моих глазах величие его личности. Это правнук ГНЕЙЗЕНАУ, думал я, и он достоин своего великого предка. Во время этой встречи ШТАУФФЕНБЕРГ сказал мне:

«Успешная борьба против национал-социализма, его фанатических теорий и целей, т.е. путь к спасению народа может идти только по линии устранения личности Гитлера и его ближайшего окружения».

Вскоре после этого ШТАУФФЕНБЕРГ занял пост начальника штаба общевойсковой управления при генерале от инфантерии ОЛЬБРИХТ. Я работал по-прежнему во 2-м отделении организационного отдела, частично как начальник отделения, частично по выполнению отдельных поручений.

К тому времени мы отступали с Кавказа, проиграли Орловскую битву, потеряли Харьков и Киев. Некомплект в дивизиях нельзя даже было приблизительно покрыть, а фюрер несмотря на это издавал приказы об организации новых дивизий, особенно СС`овских частей, которые комплектовались и вооружались за счет фронта.

Вспоминая о своих разговорах со ШТАУФФЕНБЕРГОМ, я часто говорил себе, что пока теория ШТАУФФЕНБЕРГА не будет проведена в жизнь, то всякая критика бесплодна. Но кто же может при нынешнем режиме террора в Германии начать решительные действия? Только армия, т.е. генеральный штаб, руководящий вооруженными силами.

В первых числах октября 1943 г. я посетил ШТАУФФЕНБЕРГА в его штабе в главной ставке ОКХ, рассказал ему о своих мыслях и поставил прямой вопрос: «Что делать?». Он ответил мне:

«Из твоего вопроса я вижу, что тебе ясна необходимость выхода из создавшегося положения. Поэтому я хочу тебе сказать, что как только обстоятельства и время позволят, может быть уже в этом месяце, фюрер должен умереть. В твою задачу входит следующее: ты должен быть начальником штаба при генерале ШТИФ, который взял на себя выполнение покушения, и провести мобилизации».

онные мероприятия для занятия главной ставки. Далее, ты будешь моим постоянным уполномоченным здесь в главной ставке Гитлера. После переворота ты должен быть при фельдмаршале фон ВИЦЛЕБЕН⁷⁴, будущем главнокомандующим вооруженными силами».

С этого времени вся моя деятельность шла по линии намеченных мероприятий. Таким образом, я оказался в центре организации по свержению Гитлера.

Спустя 2-3 дня после посвящения меня в замыслы организации я разговаривал с генералом ШТИФ⁷⁵, который мне рассказал, что уже ранее имели место попытки покушения на Гитлера.

«К сожалению, - говорил ШТИФ, - мы не начали действовать в 1938-39 гг., как это было предусмотрено. На мой вопрос, что он имеет ввиду, ШТИФ ответил:

«Мы планировали переворот после событий зимы 1938-39 гг., так как уже тогда было ясно, что последующее развитие должно привести к войне. Однако, не было активной группы, а также не хватало выдающегося человека, который возглавил бы движение».

«Кто же были те люди, которые уже тогда имели эти намерения? - спросил я. ШТИФ ответил, что это была группа вокруг ФРИЧА⁷⁶, БЕКА и ГАЛЬДЕРА⁷⁷. Я спросил, в связи с чем не удалась попытка покушения во время войны, как мне рассказывал ШТАУФФЕНБЕРГ. «После Сталинграда – ответил ШТИФ, – создавшееся положение принудило нас к быстрым действиям. Для осуществления покушения был избран случай, когда фюрер вылетел на фронт – в штаб армейской группы «Юг». В его самолете под сидением генерал-майором фон ТРЕСКОВ был установлен прибор со взрывчатым веществом, но взрыватель, установленный на определенное время, не сработал».

О целях, которые преследовала организация по свержению Гитлера, я имел почти 4-х часовой разговор со ШТАУФФЕНБЕРГОМ в лазарете гор. Мюнхен в начале июля 1943 года. ШТАУФФЕНБЕРГ мне еще тогда не говорил о структуре организации, однако, довольно ясно высказался о целях и задачах, стоящих перед заговорщиками. Я спросил ШТАУФФЕНБЕРГА: «Ты утверждаешь, что имеется группа людей, которая может свергнуть Гитлера, устранить национал-социализм и установить временную военную диктатуру. А что же дальше?» «Мы хотим, - ответил ШТАУФФЕНБЕРГ, - создать предпосылки для мирного сотрудничества народов Европы на возможно длительный промежуток времени. Обратимся к истории. Почему провалилась политика Наполеона в Испании? Потому что она противоречила политико-экономическим интересам страны. Применение насилия путем оккупации Испании развило неудачу Наполеона в катастрофу».

ШТАУФФЕНБЕРГ перешел затем к современным примерам гитлеровской политики на Украине и в Югославии, которые нам всем были хорошо известны.

---

⁷⁴ Ervin von Witzleben.

⁷⁵ Hellmuth Stieff.

⁷⁶ Fritsch.

⁷⁷ Franz Halder.

Мне хорошо запомнился один из приведенных им примеров, потому что он неоднократно его повторял.

«Я хочу указать тебе на пример противоположной политики, действительный во все времена. Я имею ввиду политику Цезаря в оккупированной Галлии. Цезарь принес Галлам прогрессивные достижения Римской империи, как например: гуманное законодательство и культуру. С другой стороны, он отклонял всякое вмешательство в обычаи и религию оккупированной им страны. Таким образом, Цезарь приобрел для Римской империи верного союзника на сотни лет».

Если иметь в виду эти исторические примеры, то ясно видно, - продолжал ШТАУФФЕНБЕРГ, что национал-социализм провалился в своей внешней политике, не говоря уже о том, что вся внешняя политика Гитлера была подготовкой к войне. Потом он сказал почти дословно:

«Хотя внутреннее положение России и цели, которые она преследует, для нас неизвестны, все же совершенно ясно, что разрыв договора с Россией был величайшей ошибкой Гитлера».

Затем ШТАУФФЕНБЕРГ перешел к вопросам провала национал-социализма в области внутренней политики⁷⁸. Для краткости я приведу лишь основные моменты, названные им:

*Время индустриализации требует руководства большими массами*⁷⁹. Однако, интересы масс могут найти свое истинное отражение лишь тогда, когда народ управляет сам собой. Эта основная предпосылка никоим образом не имеет места в национал-социалистическом государстве.

При национал-социализме противоречия между классами обострены как никогда.

Преувеличения в области расовой теории противоречат законам природы.

Правящая в настоящее время прослойка настолько ничтожна по своим личным качествам, что даже хорошая идея в их исполнении приносит только вред для народа.

После этого ШТАУФФЕНБЕРГ перешел к неоднократно обсуждавшемуся нами вопросу военных ошибок Гитлера.

«Необходимо создать предпосылки для скорейшего заключения мира. Это возможно лишь при устранении Гитлера и замены настоящего режима временной военной диктатурой, которая в свою очередь должна подготовить почву для создания демократического государства».

---

⁷⁸ Далее в немецком варианте: Он сказал, что в настоящее время правящий слой настолько ничтожен по своим человеческим качествам, что даже хорошие идеи под их руководством обращаются во вред народу. Гиперболизация вопросов, касающихся расовой теории, противоречит законам природы. ШТАУФФЕНБЕРГ особо подчеркивал, что интересы масс находят свое истинное отражение только тогда, когда правит сам народ, что никоим образом не имеет места в национал-социалистическом государстве.

⁷⁹ Отсутствует в немецком варианте.

Этим окончилась наша мюнхенская беседа. В многочисленных моих беседах с генералами ОЛЬБРИХТ и ФЕЛЬГИБЕЛЬ⁸⁰ политические установки ШТАУФФЕНБЕРГА нашли свое подтверждение. Эти принципы характерны для всех участников заговора, в особенности для генерал-полковника БЕКА, что показывает мой следующий краткий разговор с генералом ОЛЬБРИХТ и ШТАУФФЕНБЕРГОМ 17 ноября в Берлине. Я спросил ШТАУФФЕНБЕРГА о его совместной работе с генерал-полковником БЕКОМ. Он ответил: «Если мы, генерал ОЛЬБРИХТ и я, компетентны во всех технических вопросах организации, то все же руководит всеми делами генерал-полковник, которому я каждую неделю докладываю о состоянии нашего дела. При каждой нашей встрече меня поражает его ясное самостоятельное мышление, его глубокий государственный взгляд на вещи. Нужно сказать, его принципиальные установки никогда не расходились с нашими». Генерал ОЛЬБРИХТ также подтвердил это заявление ШТАУФФЕНБЕРГА.

Особенно нас волновали вопросы внешнеполитической ориентации Германии после удавшегося переворота. Припоминаю разговор с генералом ФЕЛЬГИБЕЛЬ во время поездки из главной ставки (г. Летцен) в Берлин в первых числах декабря 1943 года. ФЕЛЬГИБЕЛЬ, будучи командующим войск связи, был всегда хорошо осведомлен о событиях за границей. Я спросил, к кому мы должны примкнуть после удавшегося переворота. Генерал ФЕЛЬГИБЕЛЬ ответил: «По этому поводу сложно что-либо сказать: Посмотрим, кто вперед подаст нам руку. По материалам радиоперехвата каких-либо намеков в этом направлении я не встречал». *Я часто должен был прерывать неосторожного генерала, так как он слишком громко говорил.*⁸¹ ФЕЛЬГИБЕЛЬ продолжал: «Мы должны скорейшим образом добиваться установления связи с СССР, так как только последний заинтересован в существовании и совместной работе с жизнеспособной Германией. Что касается англо-американцев, то для них континент всегда остается неудобным конкурентом».

После прибытия в Берлин эта беседа была продолжена в присутствии генерала ОЛЬБРИХТА и ШТАУФФЕНБЕРГА. Они были того же мнения, что и ФЕЛЬГИБЕЛЬ и подчеркивали, что не имеется никаких данных о том, как встретит Россия новое правительство. ШТАУФФЕНБЕРГ указал также, что о целях Национального комитета «Свободная Германия» также не известны какие-либо подтвержденные материалы. Все присутствующие сходились на одном мнении, что связи со странами-противниками перед осуществлением переворота следует избежать. По нашему мнению, переворот Бадолье не нашел отклика в Германии, так как он подготавливался подпольно вместе с противником и поэтому носил характер предательства. Поэтому надо избежать всего того, что может сделать первый удар непопулярным в народе. ШТАУФФЕНБЕРГ указал, что это не включает предварительного зондирования почвы, для чего необходимы связи. Но

---

⁸⁰ Fellgiebel.

⁸¹ Отсутствует в немецком варианте.

он не видит таких связей по отношению к России, на которую в первую очередь должна ориентироваться организация.

О средствах и методах проведения переворота в организации имелась полная ясность. Покушение должно было быть произведено с помощью взрывчатого вещества, доставленного абвером из Франции, куда оно забрасывалось английскими диверсантами.

В кругах организации неоднократно подчеркивалось, что непосредственное участие в убийстве Гитлера недостойно звания офицера, но все же этот поступок может быть оправдан, как казнь преступника. Когда я в феврале 1944 года говорил по этому поводу с генералом фон ТРЕСКОВ, то последний заметил, что, к сожалению, нельзя избежать невинных жертв при убийстве Гитлера, но надо выбрать такую обстановку, при которой присутствовало бы ближайшее окружение фюрера, как ГИММЛЕР⁸², ГЕРИНГ⁸³ и т.д.

После покушения орудием для осуществления переворота должна была служить резервная армия. Руководство резервной армии было в руках ШТАУФФЕНБЕРГА, как начальника штаба общевойсковой организации и затем, с 1-го июня 1944 года, как начальника штаба при командующем резервной армии – генерал-полковнике ФРОММ⁸⁴.

В ходе подготовительной работы необходимо было иметь постоянную информацию о военном потенциале Германии, что не представляло трудности в силу служебного положения заговорщиков, как например: генерал ШТИФ – начальник орготдела генштаба, генерал ОЛЬБРИХТ – начальник общевойсковой организации и т.д.

Так, в декабре 1943 года я по поручению организации собирал необходимую информацию, которую я получил, главным образом, от сотрудников организационного отдела – майора генерального штаба ЗЕМПЕР⁸⁵, занимавшегося вопросами личного состава. Из этих материалов было видно, что боевая мощь германской армии уменьшается ежемесячно на 50 тыс. человек. Таким образом, через $\frac{3}{4}$ года, учитывая некомплект дивизий в среднем на 5 тысяч человек каждая, мощь армии должна быть исчерпана. В этом положении могла помочь только дополнительная мобилизация последних сил и организационные мероприятия, которые до сих пор встречали противодействие Гитлера, как например: пересмотр личного состава авиации, пропагандистских организаций и роспуск имперской трудовой повинности.

Все эти мероприятия должны дать дополнительно 1 мил. человек. По дальнейшим расчетам этого количества людей хватило бы на полгода. Следовательно, по самым минимальным расчетам самое позднее весной 1945 года должен был наступить полный разгром германских вооруженных сил.

---

⁸² Himmler.

⁸³ Hermann Göring.

⁸⁴ Fromm.

⁸⁵ Semper.

Большое значение для активизации заговора имела оценка действий Красной Армии кругами германского генштаба.

Ежедневно после доклада у начальника генштаба ЦЕЙТЦЛЕРА генерал ШТИФ информировал начальников отделений о положении на фронте. Припоминаю, что в марте 1944 года, когда мы остались одни после совещания, он сказал: «Русское командование сейчас отрезает КРЫМ, что в дальнейшем приведет к разрыву с Румынией. В настоящий момент Красной Армии постоянно удаются глубокие прорывы и главным образом расширение и снабжение прорвавшегося клина, как это доказывает прорыв на Херсон. Несомненно, что этот прогресс в оперативном руководстве Красной Армии со временем будет еще больше увеличиваться. Чем дольше будет задерживаться осуществление переворота, тем больше станут наши потери. К тому же, всем известные оперативные просчеты с нашей стороны также ведут к уничтожению лучших кадров армии. Все это заставляет спешить с переворотом».

Таким образом, для узкого круга руководства заговором становилась все яснее необходимость приблизить сроки переворота.

Был намечен срок 20-го октября 1943 года. В этот день Гитлер должен был присутствовать на демонстрации нового вооружения. Однако, на совещании, которое имело место 17. X – 1943 года в Берлине, где присутствовали генералы ОЛЬБРИХТ, ФЕЛЬГИБЕЛЬ, ШТАУФФЕНБЕРГ и я, было установлено, что подготовка к покушению еще неудовлетворительна.

Аналогичное положение создалось 20-го ноября 1943 года в связи с речью фюрера к молодым офицерам, которая должна была иметь место в Бреславле. Однако, план покушения был отклонен в связи с тем, что при этом могло пострадать большое количество людей. Далее генерал ФЕЛЬГИБЕЛЬ указал, что осуществление покушения в Бреславле невыгодно, так как он не в состоянии провести необходимые мероприятия по линии связи. ФЕЛЬГИБЕЛЬ сказал, что покушение лучше всего провести в главной ставке Гитлера, где им все подготовлено для немедленного выключения ставки по линии телефонной, телеграфной и радиосвязи.

Преодолевая многочисленные трудности, подготовка близилась к концу. 22-го декабря все было в основном закончено. Не хватало лишь соответствующего случая для покушения. Для этой цели хотели использовать демонстрацию нового обмундирования. Детали еще не были обусловлены. Однако, это мероприятие загадочным образом все отодвигалось, и мы не могли выполнить задуманного. Один раз фельдмаршал КЕЙТЕЛЬ⁸⁶ заявил, что фюрер якобы, отказался от введения нового обмундирования. В другой раз заболел имперский министр ШПЕЕР, который обязательно должен был участвовать при этом.

Структура и подготовка организации по свержению Гитлера выглядела следующим образом:

---

⁸⁶ Wilhelm Keitel.

Во главе организации стоял генерал-полковник БЕК. Основной упор при проведении правительственного переворота и захвата власти после осуществления покушения на Гитлера делался на тыловые войска. Действующая армия должна была играть в этом предприятии только пассивную роль.

Во всех военных округах проводилась подготовка, замаскированная под мобилизационное мероприятие для подавление возможных беспорядков. Общее руководство по этой линии концентрировалось в руках ШТАУФФЕНБЕРГА, который лично руководил подготовкой важнейшего военного округа III (Берлин). Следующим по степени важности военным округом I (Восточная Пруссия), где находились главные ставки, должен был заниматься я. К 20 июля 1944 года в связи с передислокацией главных ставок Гитлера, Гимmlера и Геринга военный округ I потерял первостепенное значение.

Действующая армия должна была быть поставлена в известность о смерти и захвате власти новым правительством в приказном порядке. Для этой цели в Берлине были и разработаны соответствующие приказы.

О настроениях в действующей армии мы были информированы, имея контакт с большинством командующих армейскими группами. О связи с командующими армейскими группами и их настроениях я расскажу ниже.

В качестве главнокомандующего вооруженными силами после переворота был предусмотрен фельдмаршал фон ВИЦЛЕБЕН. Он должен был накануне покушения находиться вблизи главной ставки ОКХ для немедленного взятия руководства в свои руки. Генерал-полковник ГЕППНЕР⁸⁷ должен был занять пост главнокомандующего сухопутными силами. Вопрос о занятии должности начальника генерального штаба был во время моего последнего разговора со ШТАУФФЕНБЕРГОМ 2-го июня 1944 года еще не решен. В качестве кандидатов на эту должность имелись в виду фельдмаршал фон МАНШТЕЙН⁸⁸ и генерал-полковник ЦЕЙТЦЛЕР⁸⁹, последний в том случае, если он будет принят в организацию.

Что касается гражданских кругов заговора, то я по этому вопросу не информирован и не пытался что-либо по этому поводу узнать, так как это противоречило бы принципам конспирации. Я полагаю, но не могу при этом сослаться на какие-либо веские доказательства, что во главе гражданской части организации стоял ГЕРДЕЛЕР⁹⁰.

Основой для успеха переворота было удачное осуществление покушения. Вначале это взял на себя полковник генерального штаба МЕЙХСНЕР⁹¹, находившийся до декабря 1943 года в главной ставке Гитлера. Неоднократно предлагал свои услуги генерал ШТИФ. Я лично не мог на себя взять такую миссию, так как я в принципе не согласен с террористическим методом. Я понимал, что без этого ак-

---

⁸⁷ Höpner. Уточнение в немецком варианте: командующий 3-й танковой армии.

⁸⁸ Erich von Manstein.

⁸⁹ Zeitzler.

⁹⁰ Gördele. Уточнение в немецком варианте: обербургомистр г. Лейпциг.

⁹¹ Meichsner.

та обойтись нельзя, но все же не мог взять на себя выполнение этой задачи⁹². Как я уже говорил выше, через посредство абвер III было заготовлено взрывчатое вещество и взрыватель. Был заготовлен взрыватель, действующий через 6 минут, так как, по словам ШТАУФФЕНБЕРГА, зажигатели такого типа работают бесшумно. Покушение должно было иметь место на совещании у Гитлера.

Об удачном осуществлении покушения надо было немедленно передать в Берлин и одновременно прервать все виды связи ставки фюрера. Одновременно надо было выключить связь основных штабов СС, полиции и правительства. Эти мероприятия, подготовленные ФЕЛЬГИБЕЛЕМ, несомненно означали бы серьезные трудности и потерю времени.

Генерал ФЕЛЬГИБЕЛЬ и ШТАУФФЕНБЕРГ разработали план занятия радиостанций и немедленного пуска их в действие.

Передо мной стояли следующие задачи:

Подготовка захвата расположенных в военном округе I главных ставок Гитлера и Геринга. Мы должны были воздержаться от непосредственного захвата ставки фюрера в связи с тем, что она охранялась значительными силами охранного батальона. Это не представило бы вреда, так как ставка все равно была бы выключена по линии технической связи. В район расположения главных ставок были стянуты части действующей армии. Концентрация этих сил происходила под благовидным предлогом отражения возможных вражеских десантов. Нам удалось стянуть в этот район и держать в состоянии постоянной боевой готовности следующие части:

1 танковый батальон – гор. Инстербург

2 пехотных батальона (моторизованных) – гор. Авис

2 пехотных батальона (моторизованных) – гор. Стаблах

1 батарея штурмовых орудий – гор. Летцен.

По договоренности с комендантом главной ставки Гитлера – генерал-лейтенантом фон ГЮНДЕЛЬ я провел маневры этих частей, якобы для отражения воздушного десанта. Таким образом, я ознакомился с командованием и боевыми качествами этих частей. Чтобы ознакомиться с силами, которые были расположены в ставке Гитлера, я связался с комендантом ставки – штандартенфюрером ТЮФЕНБАХЕР, бывал у него в лагере, и таким образом, лично разведать состояние гарнизона ставки Гитлера.⁹³

Руководство операцией по захвату главных ставок взял на себя генерал артиллерии ЛИНДЕМАН⁹⁴, которому я докладывал все полученные мною данные.

В мою вторую задачу входило – довести до сведения центра в Берлине об удаче покушения и явиться в распоряжение фельдмаршала фон ВИЦЛЕБЕН, который к этому времени должен был прибыть в ставку. В связи с этим я в декабре

---

⁹² Точнее: Я лично отказался от совершения покушения, хотя был и по сей день убежден в необходимости этого. Но в принципе я против террористических методов.

⁹³ Отсутствует в немецком варианте.

⁹⁴ Fritz Lindemann.

1943 года представился фельдмаршалу фон ВИЦЛЕБЕН на его квартире в окрестностях г. Коттбус, с которым мы договорились о деталях его прибытия в ставку. Личность фельдмаршала произвела на меня глубокое впечатление. Прощаясь со мной, фельдмаршал сказал: «Я надеюсь, что будет все сделано для ускорения переворота, так как дальше ждать нельзя». Такова в общих чертах подготовка переворота, насколько она была мне известна по моей заговорщической деятельности. *В связи с передислокацией ставок Гитлера, Гимmlера и Геринга в Берхтесгаден были произведены некоторые изменения технического характера.*⁹⁵

Следует упомянуть об одном событии, чуть было не стоившем провала всей организации.

Я неоднократно указывал генералу ШТИФ, что сохранение взрывчатого вещества в его кабинете исключительно опасно и его необходимо спрятать в другом месте. Наконец он передал мне взрывчатое вещество и зажигатели. Там было несколько килограмм, по его словам, очень эффективного взрывчатого вещества и несколько жидких взрывателей, сроком действия 6-30 минут. Все это я упаковал в бумагу и толь и вместе с обер-лейтенантом фон ГАГЕН⁹⁶, одним из наиболее надежных заговорщиков, закопал в кустарнике в расположении главной ставки. На следующей день мы проверили надежность маскировки и были удовлетворены.

Вернувшись после краткой командировки, я был вызван генералом ФЕЛЬГИБЕЛЬ, который спросил меня, известно ли мне о том, что ГФП обнаружила закопанное взрывчатое вещество. Никогда в жизни я не испытывал такого страха, как в том момент. Мы видели две возможности для выхода из создавшегося положения. Можно было попытаться объяснить наличие взрывчатого вещества, как необходимого для опытов в организационном отделе или же, правда, это был более опасный путь, попытаться замять это дело. Я решился на последний вариант, так как вспомнил, что сотрудник абвера III майор ШРАДЕР⁹⁷ сочувствовал заговору.

Из разговора со ШРАДЕРОМ мне стало известно, что непосредственно после того, как мы закопали взрывчатку, на этом месте оказался чиновник ГФП, которому удалось обнаружить тайник. Этот чиновник немедленно применил розыскных собак, *которые по необъяснимому обстоятельству привели к дому, где находился генерал-квартирмейстер – генерал от артиллерии ВАГНЕР.*⁹⁸ Таким образом, мы были спасены. Майор ШРАДЕР согласился нам помочь, и принятые им меры предотвратили раскрытие заговора и передачу дела в СД.⁹⁹

---

⁹⁵ Отсутствует в немецком варианте.

⁹⁶ Von Hagen. Уточнение в немецком варианте: референтом орготдела.

⁹⁷ Schrader.

⁹⁸ Отсутствует в немецком варианте, где сказано: «...применил розыскных собак, что не дало успеха».

⁹⁹ Далее: Таким образом, мы уцелели.

Для того, чтобы мой доклад был полноценным, необходимо остановиться на членах заговора и лицах, сочувствующих нашему движению, так как многие из них могут быть впоследствии использованы¹⁰⁰.

По моему мнению, ШТАУФФЕНБЕРГ и ТРЕСКОВ были на голову выше всех других заговорщиков. Поэтому я считаю невозможным дать им подробную характеристику, не располагая для этого соответствующим временем. Значение этих лиц видно из материалов настоящего доклада.

Что касается других офицеров, участников событий 20-го июля, то они пали жертвами Гитлера и в настоящий момент нет необходимости характеризовать их. *Для этой цели нужно также написать отдельный доклад.*¹⁰¹

Перехожу к лицам, которые по моим данным уцелели от гитлеровского террора и могут иметь значение в будущем.

Фельдмаршал фон БРАУХИЧ¹⁰²

Из разговора с заговорщиком оберлейтенантом фон ГАГЕН – племянником фон БРАУХИЧА мне известно, что последний не участвовал в заговоре.

Я лично полагаю, что постоянно проживающий в доме БРАУХИЧА фон ГАГЕН информировал фельдмаршала о предстоящем перевороте.

Фельдмаршал фон КЛЮГЕ¹⁰³

Уже в течение нескольких лет фельдмаршал фон КЛЮГЕ совершенно ясно понимал, что руководство Гитлера должно принести поражение; поэтому он полностью стал на сторону организации, подготавливающей переворот и целиком посвящен в его замыслы.

Об этом мне известно от генералов фон ТРЕСКОВ и ШТИФ, а также ШТАУФФЕНБЕРГА, на основании их личных разговоров с фон КЛЮГЕ.

Это подтвердилось также в результате двухчасовой беседы, которую я имел с фельдмаршалом в октябре или ноябре 1943 года в городе Минск. Я вылетел к нему по поручению ШТАУФФЕНБЕРГА, чтобы лично договориться о переброске воинских частей в Восточную Пруссию для осуществления переворота. Однако, в связи с осложнившейся обстановкой это не могло быть выполнено. Фельдмаршал сказал, что он считает время, выбранное для переворота (октябрь-ноябрь 1943 года) неблагоприятным, так как незадолго до этого имело место событие с переходом БАДОЛЬО на сторону союзников. Все же, продолжал КЛЮГЕ, устра-

---

¹⁰⁰ Точнее: Для того, чтобы доклад был полным, необходимо отметить (рассмотреть) лиц, участвующих или близких к заговору.

¹⁰¹ Отсутствует в немецком варианте.

¹⁰² Walter von Brauchitsch.

¹⁰³ Von Kluge. Уточнение: Главнокомандующий группы войск «Д» – Запад.

нение Гитлера само по себе может даже в настоящее время коренным образом изменить ход событий.

КЛЮГЕ не мог решиться на то, чтобы отвести с фронта свою армейскую группу «Центра» для сохранения сил и нарушить тем самым приказ Гитлера. Однако на случай приезда Гитлера в ставку армейской группы «Центр» он был готов отдать приказ об его аресте.

Для этой цели, как сказал мне КЛЮГЕ, в его распоряжении имелся кавалерийский полк под командованием полковника БЕЗЕЛАГЕР.¹⁰⁴ Большинство офицеров этого полка вовлечены в заговор и перед ними была поставлена задача, в случае прилета Гитлера в расположение штаба центральной армейской группы, арестовать его на аэродроме.

В той же беседе КЛЮГЕ сообщил мне, что можно рассчитывать на поддержку находившейся в то время в Вильно 18-й артиллерийской дивизии, где начальником штаба был его сын.

При этой беседе присутствовал заговорщик – майор генерального штаба фон ЭРТЦЕН¹⁰⁵ – доверенное лицо фельдмаршала фон КЛЮГЕ.

Фельдмаршал фон МАНШТЕЙН¹⁰⁶

Его способности как полководца не требуют дальнейших доказательств. Как я неоднократно убеждался в беседах с различными лицами в Германии, МАНШТЕЙН особенно пользуется доверием немецкого народа. Это подтвердили мне также генералы фон ТРЕСКОВ, ШТАПФ¹⁰⁷ и другие. Фельдмаршал МАНШТЕЙН в настоящее время является наиболее популярной личностью в Германии и его выдвижение на руководящий пост встретило бы одобрение широких масс народа; о политических установках фельдмаршала и его способностях стать государственным деятелем судить не могу. Генерал ТРЕСКОВ сообщил мне о многочасовой беседе, которую он имел с МАНШТЕЙНОМ в ноябре-декабре 1943 года на квартире в ставке последнего. ТРЕСКОВ установил, что МАНШТЕЙН разделяет полностью его политические и военные взгляды. Однако маршал не готов взять на себя инициативу в деле переворота. В конце беседы он дал слово ТРЕСКОВУ, что в случае переворота он не пойдет в подчинение к ГИММЛЕРУ или ГЕРИНГУ и будет следовать за генерал-полковником БЕКОМ.

---

¹⁰⁴ Böselager.

¹⁰⁵ Von Örtzen.

¹⁰⁶ Уточнение: Быв. главнокомандующий группой войск «Юг».

¹⁰⁷ Stapf.

Фельдмаршал фон ВЕЙХС¹⁰⁸

Со слов генералов ШТИФ, ЛИНДЕМАН и ШТАУФФЕНБЕРГА мне известно, что он сочувствует заговору. Припоминаю разговор, который я имел с генералом ЛИНДЕМАН в октябре 1943 года у него на квартире в ставке. ЛИНДЕМАН сказал:

«Как я недавно выяснил во время посещения фельдмаршала фон ВЕЙХС, он целиком стоит на нашей стороне».

Фельдмаршал фон КЮХЛЕР¹⁰⁹

О нем я также имею сведения от генерала артиллерии ЛИНДЕМАН после возвращения последнего из командировки в штаб Северной армейской группировки. Я встретился с ЛИНДЕМАН у него на квартире в ноябре 1943 года. В беседе ЛИНДЕМАН сообщил мне, что фельдмаршал фон КЮХЛЕР не согласился проявить инициативу в деле свержения Гитлера, однако КЮХЛЕР и его начальник штаба – генерал КИНЦЕЛЬ обещали полностью нас поддержать в случае успеха покушения. Таким образом, продолжал ЛИНДЕМАН, лояльность Северной армейской группировки нам обеспечена.

Генерал-полковник ЦЕЙТЦЛЕР¹¹⁰

С самого начала, как только ЦЕЙТЦЛЕР приступил к своей работе в качестве начальника генштаба, он перестал быть поклонником Гитлера перешел в лагерь его противников.

Как мне рассказывал генерал ШТИФ, между Гитлером и ЦЕЙТЦЛЕРОМ возникли серьезные разногласия по вопросу роспуска авиаполевых дивизий, а также по вопросу о формировании новых дивизий без укомплектования старых и т.д.

В результате беседы со ШТАУФФЕНБЕРГОМ в мае 1944 года в Берлине мы пришли к решению, если будет возможно, ЦЕЙТЦЛЕРА ввести в организацию. Имело ли это место в действительности, мне неизвестно. За это говорит тот факт, что ЦЕЙТЦЛЕР, примерно 10 июля 1944 года во время обычного доклада фюреру упал в обморок и с того времени, ввиду болезни, был заменен ГУДЕРИАНОМ¹¹¹. Это было возможно сделано для того, чтобы ЦЕЙТЦЛЕР не присутствовал при покушении. Я хочу указать, однако, на сомнительность этой комбинации.

Со слов адъютанта ЦЕЙТЦЛЕРА полковника генштаба СМЕНТ¹¹², ЦЕЙТЦЛЕР заявлял: «Мне известно, что вокруг генерала ФЕЛЬГИБЕЛЬ сконцентриро-

---

¹⁰⁸ Von Weichs. Уточнение: Главнокомандующий группой войск «Ф» (Балканы).

¹⁰⁹ Von Küchler. Уточнение: Быв. главнокомандующий группой войск «Север».

¹¹⁰ Уточнение: Быв. начальник генерального штаба.

¹¹¹ Heinz Guderian.

¹¹² Smend.

валась сильная оппозиция против Гитлера и даже с большими целями. Однако вмешиваться в это дело я не буду, так как иначе грозит опасность развала всего генштаба». Примерно в марте 1944 года ЦЕЙТЦЛЕР подавал в отставку. Причинами для этого были, насколько мне известно, оперативные разногласия (Крым, излучина Днепра) и тактические (организация новых дивизий). Позднее ЦЕЙТЦЛЕР открыто говорил ШТИФУ, что, имея во главе Гитлера, неизбежен разгром Германии.

Генерал от инфантерии ВЕЛЛЕР¹¹³ (Командующий 8-й армией)

Генерал ВЕЛЛЕР считается в кругах генштаба одним из наиболее способных военачальников. 3-го июня 1944 года во время моей последней встречи со ШТАУФФЕНБЕРГОМ в Берлине мы обсуждали вопрос о кандидате на пост начальника генштаба, при чем ШТАУФФЕНБЕРГ сказал, что ВЕЛЛЕР является одной из наиболее подходящих кандидатур.

В ноябре 1943 года генерал ШТИФ вернулся из штаба 8-й армии, куда он ездил в командировку, ШТИФ рассказал мне следующее:

«Я совершенно открыто беседовал с генералом ВЕЛЛЕР и его начальником штаба – генералом ШПЕЙДЕЛЬ¹¹⁴ о нашем плане. Оба заверили меня, что, как только придет известие о том, что фюрер умер, они немедленно перейдут в подчинение генерал-полковника БЕКА. Что касается возможного сопротивления отдельных частей СС-овских частей, то ВЕЛЛЕР ничуть не сомневался в том, что он сумеет их быстро разгромить».

Генерал-полковник ГАЛЬДЕР¹¹⁵

Неутомимый работник, один из наиболее умных и трудоспособных офицеров генштаба. Явный противник Гитлера, но не склонная к борьбе натура. Насколько мне известно, не посвящен в замыслы организации.

Таким я знал генерал-полковника за время совместной работы в ОКХ с мая по октябрь 1942 года, когда он ушел в отставку. Более конкретными сведениями располагал о нем мой начальник – полковник генштаба МИЛЛЕР-ГИЛЬДЕБРАНТ¹¹⁶, по его словам ГАЛЬДЕР допускал антигитлеровские высказывания в узком кругу близких ему лиц. Какие-либо конкретные разговоры мне не известны. ШТАУФФЕНБЕРГ неоднократно выезжал на фронт по поручению ГАЛЬДЕРА, например в 1942 году для доклада об удачном окружении советских войск в районе Лозовой летом 1942 года. ГАЛЬДЕР говорил ШТАУФФЕНБЕРГУ о причинах, побудивших Гитлера настаивать на его отставке. Эти причины сводились к

---

¹¹³ Wöhler – Велер.

¹¹⁴ Hans Speidel.

¹¹⁵ Franz Halder. Уточнение: Быв. начальник генерального штаба.

¹¹⁶ Müller-Hildebrand.

тому, что Гитлер и ГАЛЬДЕР имели много личных противоречий и поэтому тесное сотрудничество между ними было невозможно. Детали этих обстоятельств мне неизвестны.

Генерал от инфантерии ХОЙЗИНГЕР¹¹⁷

Генерал ХОЙЗИНГЕР в настоящее время является наиболее опытным специалистом в вопросах оперативных планов ОКХ. Он убежденный противник Гитлера. Это подтверждается данными, которые я имел о нем от графа КИЛЬМАНСЭГГ¹¹⁸, а также от ШТИФ и ШТАУФФЕНБЕРГА. Последний заявил мне после беседы с ХОЙЗИНГЕРОМ, что он разговаривал с ним о предстоящем перевороте. По словам ШТАУФФЕНБЕРГА, ХОЙЗИНГЕР убежден в необходимости переворота, однако согласен активно участвовать только после выступления заговорщиков. Эта беседа имела место в ноябре или декабре 1943 года в ставке ОКХ.

Имперский министр фон НЕЙРАТ¹¹⁹

В отношении его могу лишь привести одно высказывание ШТАУФФЕНБЕРГА в феврале 1944 года, а именно:

«НЕЙРАТ ясно себе представляет, куда ведет современный курс германской политики и думает так же, как мы».

Герцог фон РАТИБОР¹²⁰

Герцог фон РАТИБОР известен мне по личным беседам. Я неоднократно встречался с ним в апреле-мае 1944 года на курорте Бад Кудова, где он находился на отдыхе. Должен сказать, что он очень осторожен в своих высказываниях, так как целый ряд его родственников находятся в концлагерях. Когда мы с ним говорили о развитии «СС», РАТИБОР выразил возмущение тем, что армия понемногу вытесняется войсками «СС». РАТИБОР прямо спросил меня: «Что может спасти развал фронта?» Я воздержался от ясного ответа, так как не знал об его отношении к заговорщической организации.

Герцог фон РАТИБОР также резко осуждал гитлеровскую систему управления оккупированными странами. Что касается вопроса войны с Россией, он заявил, что всегда являлся сторонником политики Бисмарка и считает войну с Россией преступлением.

---

¹¹⁷ Adolf Heusinger. Уточнение: Начальник оперативного отдела генерального штаба.

¹¹⁸ Johann Adolf Graf von Kielmansegg.

¹¹⁹ Von Neurath.

¹²⁰ Herzog von Ratibor.

Генерал от инфантерии ШТАПФ

Выдающаяся личность, человек особенно крупного масштаба, в особенности в тактической оперативной области. Благодаря многочисленным духовным интересам и, прежде всего, благодаря занимаемой им должности, он приобрел широкий политический и экономический кругозор.

Будучи офицером генштаба, примерно в 1938-1939 гг. он являлся начальником 2 отдела (организационного отдела). В 1939-40гг. генерал сухопутных войск при Геринге и затем командир III пехотной дивизии и командир XXXXIV армейского корпуса. От командования корпусом был отстранен, якобы как виновник прорыва русских войск под Лозовой в феврале 1942 года. В настоящее время начальник хозяйственного штаба Востока.

*По образованию и по личным задаткам он пригоден для любого использования его в государственной жизни. Следует учесть, что он, как подчиненный, является тяжелым человеком, полный резкой критики. Не всякий с ним может справиться.*¹²¹ Генерал ШТАПФ особенно убежденный противник Гитлера, но не посвящен в детали организации.

Я знаком с генералом от инфантерии ШТАПФ уже в течение 10 лет. Нас связывала с ним, во-первых, его дружба с моими родителями, и во-вторых, моя работа в качестве первого офицера ординарца в его штабе. Весной 1944 года я имел с ним последний раз беседу, во время которой он выразил надежду на успех предполагавшегося переворота. В разговорах со мной и другими близкими ему людьми ШТАПФ подчеркивал неизбежность переворота. *Его искренность и прямота всегда заставляла беспокоиться за него близких ему друзей.*¹²² В качестве начальника «хозяйственного штаба Востока» он имеет доступ непосредственно к Герингу.

В январе 1944 года ШТАУФФЕНБЕРГ сообщил мне, что организация намечает кандидатуру генерала ШТАПФ в качестве будущего министра железных дорог.

Генерал от кавалерии КЕСТЕРИНГ¹²³

Организационный отдел генштаба был связан с генералом КЕСТЕРИНГОМ по работе, так как последний командовал так называемыми «добровольческими формированиями». На этой основе мы с ним и познакомились. Я неоднократно проводил вечера с ним и его другом Герварт фон БИТТЕНФЕЛЬД. Во время этих встреч я оценил КЕСТЕРИНГА как высокообразованного человека с большим опытом. Он открыто говорил со мной и резко осуждал положение, сложившееся в Германии. КЕСТЕРИНГ утверждал, что отсутствие ясных политических целей

---

¹²¹ Отсутствует в немецком варианте.

¹²² Отсутствует в немецком варианте.

¹²³ Уточнение: быв. военный атташе в России.

неизбежно приводит добровольческие формирования к разложению, и его работа, таким образом, теряет всякий смысл. В связи с его политическими настроениями фюрер его не принимал, несмотря на то, что он является наиболее известным знатоком России.

Он постоянно защищал и защищает точку зрения сотрудничества с Россией и поэтому является противником политики Гитлера.

Ротмистр, советник посольства ГЕРВАРТ фон БИТТЕНФЕЛЬД

*Личность с особыми качествами. Прежде всего, впоследствии своей многолетней деятельности в России и вытекающего из этого опыта.*¹²⁴

ГЕРВАРТ работал в Москве в германском посольстве, совместно с послом ШУЛЕНБУРГ, в последнее время в должности советника посольства. Он явно дружественно настроен в отношении России. Он имеет многочисленные связи в Германии и за границей. ГЕРВАРТ постоянно сопровождает генерала от кавалерии КЕСТЕРИНГА, бывшего германского военного атташе в Москве и особенно тесно с ним связан, а также с послом ШУЛЕНБЕРГ.

С ГЕРВАРТОМ меня связывают личные дружественные отношения. Наша дружба с ним основывается на одинаковых политических установках. Будучи постоянно при генерале КЕСТЕРИНГ, ГЕРВАРТ часто бывал в ОКХ, где мы с ним неоднократно вели беседы на политические темы.¹²⁵

ГЕРВАРТ фон БИТТЕНФЕЛЬД был посвящен мною в замыслы организации и обещал активно содействовать успеху заговора.

В конце своего доклада я хочу сказать несколько слов о связях заговорщиков с ВВС. По этому поводу характерно высказывание ШТАУФФЕНБЕРГА в ноябре 1943 года во время беседы со мной и генералом ОЛЬБРИХТ. ШТАУФФЕНБЕРГ выразил уверенность в том, что в случае переворота командование ВВС будет вести себя пассивно. Он указал, что в руководстве авиации заметно большое недовольство ГЕРИНГОМ. Эти сведения ШТАУФФЕНБЕРГ имел от участников заговора – инспектора ночной истребительной авиации – полковника ФАЛЬК.

Мне доподлинно известно, что кроме ФАЛЬК еще ряд руководящих лиц из командования ВВС примкнули к заговору, но конкретно имен я не могу назвать, так как не располагаю данными.

Доказательством острых противоречий в командовании ВВС и имеющихся там разногласий с ГЕРИНГОМ служит самоубийство начальника штаба ВВС – генерал-полковника ЕШОННЕК. О том, что ЕШОННЕК покончил жизнь самоубийством, а не умер, как об этом официально объявлялось, мне известно от генерала ФЕЛЬГИБЕЛЬ. По его словам, ЕШОННЕК не мог больше нести ответственности за ошибки, совершенные высшим руководством.

¹²⁴ Отсутствует в немецком варианте.

¹²⁵ Отсутствует в немецком варианте.

В последнее время в ОКХ ходили упорные слухи об усилившихся разногласиях между ГИТЛЕРОМ и ГЕРИНГОМ. Мне известно от майора генерального штаба ВЮРТЦ, что ГЕРИНГ гораздо реже бывает на докладах у Гитлера, и что они больше не разговаривают друг с другом на «ты».

Можно посчитать за чудо, что годовичная деятельность организации не была вскрыта СД. Причина этого успеха была та, что круг лиц, посвященных в заговор, был подобран с максимальной тщательностью. Однако, основная причина – это антигитлеровские настроения почти всего генерального штаба и большей части высшего офицерского корпуса.

Ряд крупных офицеров СД неоднократно предпринимал попытки проникнуть в круги, где можно было предполагать наличие оппозиционной организации. Со слов генерала ФЕЛЬГИБЕЛЬ, мне известно, что один высший чиновник СД в разговоре с генералом ФАЛЬКЕНГАУЗЕН намекал на то, что дальше Германия существовать так не может и необходимо что-то предпринять.

Генералу ФЕЛЬГИБЕЛЬ был известен еще целый ряд подобных примеров.

Мне кажется, что мой доклад не будет завершен, если я не остановлюсь вкратце на причинах неудачи нашего предприятия.

В связи с этим я хочу упомянуть о длительной беседе, которую я имел 3-го июня 1944 года со ШТАУФФЕНБЕРГОМ на его квартире в Берлине. Я заявил ему тогда, что во время болезни я имел достаточно времени для анализа недостатков нашей организации и пришел к следующим выводам:

Для осуществления покушения требуется найти быстро действующее средство и лицо, которое согласно собой пожертвовать. Генерал ШТИФ, по моему мнению, был неподходящим кандидатом, так как в его словах я чувствовал колебания. Поэтому надо найти нового человека.

После того, как МОДЕЛЬ и ШЕРНЕР стали командующими армейскими группами, необходимо немедленно найти высокопоставленное лицо, которое смогло бы повлиять на руководимые им войска. По моему мнению, это мог быть начальник генерального штаба, т.е. ЦЕЙТЦЛЕР.

Размах организации недостаточен. Необходимо в какой-то степени включить в подготовку массы народа.

ШТАУФФЕНБЕРГ был полностью согласен с тем, что выдвинутые мною проблемы являются жизненно важными для заговора и сказал, что Центр неоднократно обсуждал эти вопросы. При этом было решено найти новое лицо для осуществления покушения. Что касается ЦЕЙТЦЛЕРА, то ШТАУФФЕНБЕРГ намеревался поговорить с ним в открытую. Я ему это отсоветовал и предложил поговорить с ЦЕЙТЦЛЕРОМ в завуалированной форме, чтобы дать ему возможность к отступлению, а не становиться перед дилеммой, так как у ЦЕЙТЦЛЕРА могло прорваться чувство верности Гитлеру, и он мог на нас донести. Этот вопрос в нашей беседе остался открытым.

Что касается третьего пункта – расширения организации, то ШТАУФФЕНБЕРГ сказал, что это обсуждалось БЕКОМ, ОЛЬБРИХТОМ и им в последнее

время особенно часто, и в принципе Центр с этим согласился, но ничего конкретного в смысле привлечения народных масс еще сделано не было. ШТАУФФЕНБЕРГ подчеркнул, что опасность провала всего заговора заставляет пока воздержаться от подготовки масс. В этой беседе ШТАУФФЕНБЕРГ выразил свое твердое решение максимально активизировать подготовку к покушению, так как необходимо быстрое заключение мира.

Мы попрощались, и больше мне было не суждено увидеть его.

Содержание этой беседы я рассказал оберлейтенанту фон ГАГЕН, который, надеюсь, не арестован.

Подробностей о покушении 20 июля я сообщить не могу, так как был в это время на фронте.

Что могло привести к неудаче 20-го июля?

Неполноценность использованного при покушении средства.

Недостаточность мобилизационных мероприятий по концентрации запасных частей.

Отсутствие революционной подготовки народа.

Я придерживаюсь другого мнения по этому поводу. Основой наших планов и наших действий было то, что мы считали, что только переворот сверху, а не революция снизу может свергнуть национал-социализм и привести к быстрому заключению мира. Система контроля, шпионажа и прочих контрразведывательных мероприятий развиты в Германии в таком масштабе, что только полностью законспирированный внезапный переворот может иметь успех. Первой и единственной предпосылкой успеха была и есть смерть Гитлера.

Мы предполагали, что технически покушение нами достаточно подготовлено, однако, не имея опыта, мы не были в состоянии исключить случайность.

Я говорил выше, что в принципе являюсь противником террористических актов также, как и другие участники заговора. Однако в данных конкретных условиях мы не видели другой возможности, чтобы превратить революционную волю народа в действительность.

Мы могли ошибаться. Мы являлись офицерами и не имели опыта подобного рода. Однако одно обстоятельство я хочу подчеркнуть особенно. Мы действовали их лучших побуждений, и наша цель соответствовала желаниям большей части германского народа.

КУН.

Справка¹²⁶

Первый экземпляр направлен для информации ГКО.

Оперуполн. 2-го отдела Гл. Упр. «Смерш» капитан Копелянский

---

¹²⁶ Рукописная помета.